

Жывая памяць

Маё пакаленне прыйшло ў гэты свет праз 10 гадоў пасля Перамогі над фашызмам. Нашы бацькі — былыя салдаты Вялікай Айчыннай — любілі нас, дзяцей, без перабольшання, самаахвярна. Як яны марылі, каб мы атрымалі належную адукацыю, жылі лягчэй, чым яны, выхадцы з вёскі. Не шкадавалі нават сваіх узнагарод, здабытых крывёю і потам на вайне, для нашых гульняў. Памятаю, і я гуляла з гэтымі бліскучымі “цацкамі” на падмуроўцы новай прыбудовы да хаты, якую ўзводзіў мой бацька Віктар Канстанцінавіч Купрэвіч:

*Бацька з фронту вярнуўся
У адным шынялі,
Ад работы аж гнуўся,
Ды нічога — жылі!
З маці ладзілі хату
За крывавы мазоль,
І жылі небагата,
Ды былі хлеб і соль...*

Роўная, выцягнутая па беразе возера наша вуліца Міру тады патанала ў карункавых кветкавых накідушках маладых садоў. Яе насельнікі — былыя франтавікі і партызаны з такім аптымізмам адбудоўвалі Жыццё! Мне памятаецца дух іх сяброўства, замацаваны выключна на шчырасці. Мы раслі ў атмасферы дабрыні, чалавечнасці, спагады. Мы ішлі разам з імі, Пераможцамі, у калонах на свята — Дзень Перамогі. І яно стала нашым любімым святам, як і 3 ліпеня — Дзень вызвалення Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў.

Мне вельмі хочацца, каб гэты зборнік стаў своеасаблівым падарункам для салдат Перамогі, якіх застаецца ўсё меней і меней.

Выбіраючы ў камп’ютарным архіве нарысы і замалёўкі пра сваіх герояў розных гадоў, нібы фарміравала войска з байцоў мінулай вайны. Менавіта яны ўсе гэтыя сем дзесяцігоддзяў годна адстойвалі ідэалы Перамогі, выходзілі моладзь на свяшчэнных традыцыях патрыятызму, любові да Айчыны. Ім, жывым і сыйшоўшым з жыцця ветэранам Вялікай Айчыннай, прысвячаю гэту кнігу.

З павагай і ўдзячнасцю — Тамара Кручэнка, член Саюза пісьменнікаў Беларусі і Беларускага саюза журналістаў.

А мы за жизнь вели смертельный бой

Монологи Героя Советского Союза с авторскими отступлениями.

Эта наша беседа с Героем Советского Союза Григорием Кирилловичем Денисенко состоялась в преддверии 9 мая 2005 года. Тогда мой собеседник готовился к Параду на Красной площади, где вместе с еще 9 ветеранами Великой Отечественной собирался представлять Беларусь. В судьбе Григория Кирилловича это был уже шестой парад. Примечательно, что в те дни Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко вручил герою войны юбилейную медаль на церемонии открытия областного музея военной славы в Гомеле.

Родина

— Моя малая родина — на Украине, это село Бабенково в Изюмском районе Харьковской области. Сейчас там уже никого из родных нет. Сестра живет в селе Красный Оскол, где я оканчивал седьмой класс.

Вторая моя родина — Беларусь, Гомель. Здесь я живу уже 48 лет. Невестка моя — белоруска, зять — русский. Так что в моей семье объединены три славянских народа. Разделить нас невозможно. Я говорю: где проводить границу? По столу или по кровати? Или у дверей комнат ставить таможи? По живому разрезали три народа, которые всю жизнь были вместе. Сейчас и нам, ветеранам, очень сложно общаться с боевыми друзьями. Мы ведь никогда не делились по национальностям, единым полком сражались за нашу Родину. А в нашем 235-м штурмовом авиационном Проскуровском полку 264 Киевской авиационной дивизии 5-го штурмового авиационного Винницкого корпуса было 12 Героев Советского Союза.

Я был в четвертом классе, когда Николай Каманин совершил свой подвиг. И в моем детском сознании Герой Советского Союза ассоциировался с человеком-глыбищей, таким Атлантом, держащим небо. Когда челюскинцы совершали вояж по стране и проезжали ближайшую железнодорожную станцию Славянск в Донбассе, мы на деревья забрались, чтобы их увидеть. Каманин предстал на перроне маленьким, щуплым человеком, в петлицах старшего лейтенанта... Разве мог я тогда подумать, что спустя годы буду постоянно встречаться с Николаем Петровичем, и он будет моим наставником?

Война

— В Северном Казахстане, в Уральске, мы отрабатывали технику пилотирования без боевого применения. Вскоре мне доверили штурмовик ИЛ-2 и направили в первый отдельный учебный авиационно-тренировочный полк в г. Сасово Рязанской области. С июля по октябрь проходил подготовку: учился стрелять по мишеням, летать строем. Потом нас направили под Киев, в район Броваров.

3 ноября 1943 года был мой первый боевой вылет на пригород Киева —

Лёсай зорныя імгненні

Приорку. Там шли сильнейшие бои. Повел нас командир эскадрильи Петр Григорьевич Дылько, белорус, корни его в деревне Михайловка Добрушского района. Любимая его присказка такая была: “Хочешь жить? Не напрашивайся, не отказывайся, делай так, как я. Будешь поступать, как я — живым останешься”. Видимо, его слова были пророческими. Дылько сбили при поиске ставки Гитлера в окрестностях Винницы. Лишь через 25 лет я нашел его могилу, сделал все возможное для достойного увековечения памяти человека, у которого учился воевать. Нас двое летчиков осталось сегодня из полка — я и Рашид Нигматуллович Хайреддинов в Уфе. Поддерживаю с ним переписку.

Первую награду — орден Славы третьей степени — Григорий Кириллович Денисенко получил 22 ноября 1943 года. За 118 боевых вылетов был представлен к званию Героя Советского Союза. Но самой главной наградой для себя считает то, что не потерял ни один из экипажей, которые водил на задания.

В Корсунь-Шевченковской операции, которую называли “малый Сталинград”, летчик успешно выполнил приказ уничтожить транспортные самолеты противника, доставлявшие зажатым двойным кольцом дивизиям боеприпасы и продовольствие. На его счету было 12 сбитых самолетов. За эти сражения в небе Денисенко представили к ордену Красного Знамени.

Победа

— 2 мая, подписание Германией капитуляции, я встретил в городке Сенница, в Чехословакии. А утром на задание надо лететь. День, два, три летаем. Девятого мая объявляют официально о завершении войны. Все, что могло в тот момент стрелять, стреляло непрерывно. А 10 мая вновь на задание, на следующий день — тоже. Необходимо было добить вражескую группировку Шернер в Чехословакии. Война там еще шла в июне и июле. В нашем полку два Сергея — Драницын и Гришаев — погибли. Первый — 24 апреля, второй — 27 апреля 1945-го. Боль утраты неимоверная. Гришаева я хотел женить на своей младшей сестренке, мы были большими друзьями... Теперь у меня внук Сережа и правнук Сережа.

— Первоначально Парад Победы назначался на 12 июня 1945-го, а метеослужба сообщила о плохой погоде. Перенесли на 24 июня, но в этот день моросил дождик. Авиация не летала, так что по пути следования наш батальон летчиков влился в гражданские колонны. Море ликующих людей. Редкие зонты над ними, в основном укрывались клеенкой. Гармонисты словно соревнуются, кто кого переиграет. Вокруг поднимают тосты за Победу, подбрасывают вверх победителей с возгласами “ура!”. Ощущение вселенского праздника, радость беспредельная.

— После этого незабываемого парада был отпуск на родину. Потом Григорию пришлось вновь вернуться в Чехословакию. Только в авгу-

Тамара Кружэнка

сте их вывели в Союз. Самолеты посадили в местечке Тарутино, известном тем, что великий Суворов готовил там наступление на взятие крепости Измаил. А Денисенко здесь женился, здесь и сын Володя появился на свет.

— С Лидией Ивановной у нас была любовь с первого взгляда. Хорошая была женщина, прекрасная мать, супруга. Мы прожили вместе почти 55 лет, воспитали двоих детей. Ее уже пять лет как нет...

Гагарин

— Работал я в Саратовском аэроклубе системы ДОСААФ. Курсанты — военные летчики — шли потом в военные училища или гражданскую авиацию. Юра Гагарин от природы талантливый хлопец, отличался своей настойчивостью. Он был общественником, секретарем комитета комсомола в техникуме, капитаном баскетбольной команды. Недавно мне прислали письмо с просьбой написать воспоминания о работе в Саратовском аэроклубе. 50 лет прошло, многое забылось, немало и помнится... У меня хранится тетрадь, в которой записаны оценки за полеты курсанта Юрия Гагарина.

— Нас, начальников аэроклубов, ежегодно приглашали в Москву на учебные сборы. 18 мая 1963-го я приехал в столицу в очередной раз. Прямо с Киевского вокзала звоню Николаю Петровичу Каманину: «Уже два года с Юрием не могу встретиться, хочу пообщаться с ним». Юра в то время отдыхал в Крыму, но был вызван в Москву, чтобы 19 мая выступить на Красной площади перед пионерами. Каманин сказал, что с минуты на минуту Гагарин должен появиться у него... Я — быстро на такси. Заходит Юра. Обнялись, расцеловались. Интересовался у него, что было самым сложным в его космической одиссее. Он рассказывал обо всем в деталях, понимая, насколько это мне интересно. Тогда ведь никакой информации не было, кроме картинки взлета.

Для Г. К. Денисенко большим событием весны 2005 года стал визит в Гомель Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. У героя была возможность пообщаться с главой государства в областном музее военной славы.

Страна

— Нашей страной руководят толковые, дальновидные люди. Они пришли от земли, из народа. И патриотизм у них глубокий, не показной.

Недавно я проехал по югу Беларуси, путешествовал с другими ветеранами по маршруту нефтепровода «Дружба». Поля — что столы: ровненькие, выкатанные. Душа радуется. Правильно, что наш Президент вместе с правительством взяли за сельское хозяйство. Хлеб — всему голова. И мы, ветераны, гордимся Главнокомандующим Вооруженными Силами Республики Беларусь, поддерживаем Александра Григорьевича Лукашенко.

Вот думаю: на войне человек погибал, шел на амбразуру, на верную

Лёсай зорныя імгненні

смерть. Что, он жить не хотел? Чепуха... Но отбрасывались на задний план свои личные заботы, своя жизнь ради спасения государства. Сейчас нередки упреки, дескать, воспитание в СССР было политизировано. Кому это испортило жизнь? К примеру, все наши руководители прошли школу комсомола. Улица, что ли, лучшему научит? Школа воспитывала в духе преданности Родине. Кружки, игры всевозможные, слеты. Разве это плохо?

Я счастлив, что живу в прекрасном Гомеле. Надеюсь, что нынешний паспорт еще сменю 10 мая 2021 года. Это одна задача. Вторая — женить правнука Дмитрия, дожидаться праправнука. И тогда я скажу: «Хлопцы! Моя задача выполнена, а теперь дело за вами». Надеюсь побить рекорд сестры отца, прожившей 97 лет.

Хочу пожелать молодежи еще раз взглянуть в судьбы своих близких и родных, осмыслить величие Победы. Жить без войны, с достойными делами!

А мы с тобой, брат, из пехоты...

Виктор Дмитриевич Ветошкин более 30 лет трудился фотоцинкографом на гомельской фабрике «Полеспечать». Встречаясь с ним в типографском цехе мы, тогда еще начинающие журналисты, долгое время были в неведении, что перед нами полный кавалер ордена Славы.

Потрясающе скромный человек, Виктор Дмитриевич Ветошкин, почетный гражданин Гомеля и области, живущий сейчас в Минске.

Шла на встречу с ним в зимний день 2005-го, намереваясь задать вопрос о судьбе: верит ли он в нее, по-пластунски пропахавший пол-Европы, расписавшийся на рейхстаге? А он (интуиция, что ли?) сам оговорил:

— Я, между прочим, стал верить в судьбу. Если предначертано долго прожить — проживешь. Смотришь, на фронте солдат серьезно ранен, а туда-сюда — и выкарабкался. А жизнь другого бойца первая пуля обрывает.

...Его детство и юность связаны с деревней Мильча, уже влившейся в городские кварталы Гомеля. В свое время Витя Ветошкин, сын железнодорожника, пошел в школу у Мохова переезда, 11-ю, именовавшуюся железнодорожной. В семилетнем возрасте часто удивлял стариков, пасших лошадей в ночном, читая им обрывки газет.

— Многие тогда зимой не ходили в школу — не было теплой одежды. Правда, школа поддерживала малоимущих — выделяли телогрейки, валенки. Мы колхозам помогали: собирали древесную золу, чтобы повышать урожай. Мальчишки особенно любили возиться с лошадьми, а девочки работали в огородных бригадах, выращивали овощи. Платили невесте какие деньги, но они шли на приобретение спортивного инвентаря.

Когда началась война, Виктор учился в железнодорожном техникуме. У него была бронь, но он пришел на Новобелицкий призывной пункт добровольцем, попал в запасной полк в Стародубе, на Брянщине, и вскоре поезд снова мчал его в сторону Гомеля, на фронт.

— Я сошел в Новобелице, хотя эшелон наш остановился только в Костюковке. Помнится, старый рыбак перевез меня на лодке через Сож. И я бегом домой! Очень хотелось попрощаться со своими, было предчувствие, что не скоро увидимся, да и увидимся ли?

Стрелковая рота, в которой служил Виктор Ветошкин, входила в состав 82-й Ярцевской имени Суворова и имени Кутузова стрелковой дивизии, прошла с боями от Воронежа до берегов Эльбы.

— Героизм? Смелости хватало, дерзости. Может, потому, что за мной «хвоста» не было — ни жены, ни детей. Не отвлекали мысли о семье. Здоровый был, физически крепкий. Сам шел впереди и вел за собой других, помогал им. Геройства показушного не было.

— Минск освободили, а назавтра сразу — на Барановичи, Слоним, Волковыск. Танки шли вперед, и надо было успевать за ними. Шли без

сна, старались на марше хоть слегка покемарить: двое средних — в шеренге — спят. Оба крайних их ведут. Потом меняются. Случалось, что и крайний уснет. Так передние или задние подводят его к столбу или ямке. Вот уж хохотали тогда!

— Помню, пополнение нам дали, 1926-1927 годов рождения. Пошли в атаку. Немец как начал перекрестным бить, мальчишки стали сыпаться. Многие из них, увидев этот ужас, кричат: «Мама!» Офицеры приказывают: «Положить пехоту!» Как положить, если у пареньков глаза чуть не вырываются из орбит от паники, бегут в полный рост. Приходилось подножки ставить, чтобы уберечь юнцов.

— Под Пуховичами тоже жестокие схватки. Не было патронов, тылы с обозами отстали со снарядами, патронами, кухней. А немцы были в полукольце, хотели прорваться. наших ребят туда подбросили вечером, прошли по болоту и заняли оборону. А фрицы атакой... Когда слышали: «Русс, сдавайся!», невольно всплывала перед глазами вся жизнь, словно по транспортеру двигалась...

— На территории Польшы командир роты говорит: «Вот эту опушку леса мы не прочесали. Послушай, Ветошкин, возьми-ка пару человек, пройди». А немцы нас уже окружают сзади, попадаем в ловушку. И так обидно, ведь совсем рядом наши. Пока были патроны, отстреливались. А наши уже двинулись дальше и не обращают внимания, что мы ведем перестрелку. И вдруг замечаем кучу фауст-патронов. Стали ими стрелять, а кругом деревья — куда ни сунься, отлетают! Но фрицы попятись назад. Да и наши почувствовали, что тут что-то неладно, человек 15 подбросили. Бой завязался. И когда мы соединились со своими, радости не было предела!

— Ордена Славы третьей и второй степеней Ветошкин получил за освобождение Варшавы и форсирование Вислы. Река широкая... Было много добровольцев. Приспособления изготавливали сами из деревянных жердей, связывали лыком или проволокой. Из нее же делали гвозди, сбивали плотики на одного, двух или трех человек. Впереди поставили дымовые шашки, что и отвлекло перед началом наступления.

— Нас одновременно человек двадцать пристало к берегу. Требовалась сноровка, быстрота действий. Ступили на берег и мгновенно стали расширять плацдарм. Немцы заметили, но уже поздно. Ребята кто за куст, кто за ямку уцепился. Тут нам еще пополнение, и далеко от берега закрепились. Когда силы сосредоточились, с криками «Ура!» бросились вперед. А вот Одер мы уже форсировали на лодках «Амфибия», идущих и по воде, и по суше...

— 16 суток шли бои за взятие Берлина. Орудия грохотали так, что невозможно было слышать рядом стоящего. Берлин был сильно укреплен, с первого раза взять его не удалось. Подвозили артиллерию, танки.

Нас бросили на окраину, Шпандау. Пришлось драться в буквальном

Тамара Крученка

смысле слова за каждый подъезд, каждый этаж. Вышли на центральную улицу. Стали двигаться дальше, к рейхстагу. Я там тоже автограф оставил.

Много людей полегло в той войне. Когда в атаку идем, «ура» такое громкое, многоголосое, особенно на опушке леса где-нибудь. «За Родину! За Сталина!» А потом немцы как ударят перекрестным... И еще не добежав до их траншей, слышишь, что «ура» уже потише. Но продолжаешь бежать, начинаешь бросать гранаты... Смотришь, попятились, и тогда какая-то неведомая сила толкает и толкает: «Вперед! За Родину!»

После войны Виктор Ветошкин продолжал армейскую службу. Была мечта поступить в танковое училище в Ульяновске. Но бывалый пехотинец так и не переквалифицировался в танкиста. Зато супругу будущую встретил в том далеком от Беларуси городе.

— Пошли с ребятами в кинотеатр. Вижу, девчонка подвернула ногу. Поднял на руки и донес до общежития местного авиазавода. Спустя несколько дней ребята предложили провести Евдокию Авдееву...

Кстати, супруга моего героя работала тоже на «Полеспечати» — бухгалтером в картонном цехе. Виктор Дмитриевич зачастую засиживался допоздна с главным инженером предприятия: обмозговывали, как облегчить труд рабочих на том или ином участке, готовили рацпредложения. А ведь по большому счету учиться Ветошкину так и не пришлось. Девятый и десятый классы оканчивал в школе рабочей молодежи при фабрике. До сих пор сожалеет, что не пошел учиться дальше...

В свою рабочую биографию Виктор Дмитриевич трудом вписал солидные заслуги, словно материализовав поэтические строки «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд...» В 1975 году за безупречную сдачу готовой продукции ему было присвоено звание «Почетный работник промышленности БССР», а в 1977-м получил орден Ленина.

— На приемах у Петра Мироновича Машерова приходилось брать слово. Говорил правду-матку. Помню, как урожай ржи по 13 центнеров с гектара собрали. Встаю и говорю: «Ну что это за результат? Да мой дед с сохой по 20 собирал!» Некоторые с опаской на меня смотрят, дескать, не то понес. А Машеров еще лучше стал относиться. Не раз на съездах партийных доводилось встречаться: «А, печатник! Рад вас видеть...»

Орден Славы первой степени нашел Виктора Дмитриевича Ветошкина в год столетия В. И. Ленина. Московский писатель Е. А. Вертлиб, работая в военных архивах, нашел сведения о том, что белорусский пехотинец за взятие одной из высот в Польше был представлен к этой награде, но так и не получил ее. Так что спустя почти три десятилетия после войны награда нашла героя.

— Родина... Нет, не громкое это слово. У нас во взводе было много мильчанских. Периодически получали письма, обменивались новостями. От этого было тепло на душе, мы через эти письма видели свои дома, родных. Застряло в памяти, как в Польше, придя с очередного задания,

Лёсай зорныя імгненні

за долгое время военного грохота, я впервые услышал звуки музыки. И русский голос диктора, поздравление с праздником, и тост за Победу...

Такая гордость охватила в те минуты! Сколько лет прошло, а я это восприятие Родины помню.

После переезда в Минск продолжаю общаться с Виктором Дмитриевичем, теперь по телефону. Его звучный, по-настоящему мужской голос, узнаваем из тысячи. Приятно, что человек столь почтенного возраста не забывает поздравить с днем рождения, не говоря о великих датах в судьбе страны, которые нам дороги. И я звоню 10 мая, чтобы передать ему самые добрые пожелания в его очередной день рождения.

— Дай Бог, будем живы, — сказал Виктор Дмитриевич и в одном из недавних наших телефонных общений. — Мечтаю еще не раз встретиться с нашим Президентом. Хочу дойти до юбилея Победы. Хоть потихонечку, дойти...

Что значит служить Отечеству

В его речи звучит характерное для Вологодчины «оканье» — вечная привязка к малой родине. Впрочем, со своей отчей землей гомельчанин Михаил Дмитриевич Рычков, недавно разменявший десятый десяток, чувствует незримую связь.

Корни — вологодские

Родился он в селе Давыдиха Тотемского района, которое ныне поглощено Великим Двором, центром сельсовета. Отец Михаила Дмитриевича был первым председателем местного колхоза «Красный путь». А в годы Великой Отечественной внес 15 тысяч рублей личных сбережений и 75 тысяч от хозяйства на производство танковой колонны «Вологодский колхозник». Получив почетную грамоту от самого Верховного Главнокомандующего Иосифа Сталина, хранил ее в специальном ларчике до последнего дня своей жизни...

Очень тепло рассказывает ветеран о своей матери, Александре Прокопьевне, простой крестьянке, вырастившей и воспитавшей четверых детей. Ее можно было увидеть и в поле за плугом, и на сенокосе, и на уборке зерновых с серпом в руках.

Примером для Миши был и старший брат Иван. Он работал трактористом в леспромхозе, занимался вывозом леса. В свои 25 лет стал стахановцем, получил в подарок велосипед и подарил младшему братишке. По сути, Миша ведь помогал ему бить рекорды: по просьбе Ивана сидел у репродуктора, слушал производственные сводки и оперативно сообщал брату, кто пытается его обойти.

В 1941-м Ивана, как участника войны с белофиннами, повторно призвали в армию. Воевал он на Калининском фронте и погиб в составе десанта в тылу противника, подорвавшись на mine.

Средний брат Константин в довоенной Москве работал водителем, а потом подвозил боеприпасы на передовые позиции Западного фронта, был в составе отдельного автобатальона особого назначения. С войны брат вернулся, но потом пережил тяжелую травму, и только благодаря поддержке Михаила и других родственников смог вновь стать в строй. Два десятилетия назад его не стало.

— Труженицей, каких поискать, была и единственная сестренка Катюша, — рассказывает Михаил Дмитриевич. — Она работала в колхозе бригадиром полеводческой бригады, пахала землю на коровах и лошадях, первой из женщин в нашем крае села за штурвал трактора. Не раз ее избирали депутатом райсовета. В войну Катюша трудилась на строительстве земляных противотанковых сооружений.

Вот на таких примерах рос Михаил Рычков. Оглядываясь на пройденный путь, ветерану не зазорно вписать строки и своей биографии в повествование, которое он назвал «С любовью к Родине. По жизненному пути».

Лёсаў зорныя імгненні

Недавний 90-летний юбилей Михаила Дмитриевича стал настоящим праздником в Гомельском районе. 24 года полковник в отставке Рычков возглавлял здесь районную ветеранскую организацию, провел множество незабываемых уроков мужества и встреч. Он — почетный гражданин района, почетный председатель райсовета ветеранов, член его президиума, почетный ветеран областного совета ветеранов, кавалер ордена Почета Республики Беларусь. И при всем обилии почета остается человеком земным, простым. Не заметила, как пролетело несколько часов нашего общения.

Конь вороной, серые копыта...

— До четвертого класса я учился в своем селе. Семилетку заканчивал в Никольском, в 25 километрах от дома, на родине известного русского поэта Николая Рубцова. Он пишет об этом селе в стихотворении «Родная деревня»: «Хотя проклинает прохожий дороги моих побережий, люблю я деревню Николу, где кончил начальную школу!» Потом в Тотмее, за 35 километров от родителей, заканчивал я 8-9 классы. Дважды в месяц на лыжах, купленных отцом, приезжал домой. На летних каникулах помогал ему как председателю начислять трудовни, косить.

В 1941-м, когда получили похоронку на брата Ваню, в 10-й класс меня родители не пустили. Отец сказал: «С умом и с этим образованием проживешь». Так что я на подаренном братом велосипеде, развозил повестки, дежурил в сельсовете. Вскоре довелось доставлять в дома земляков и похоронки.

В один из дней мне предстояло внести огромное горе в и так обездоленную семью. Сразу две похоронки, на мужа и сына, женщине, у которой пятеро детей, мал-мала меньше. А тут еще у них беда приключилась: пала корова-кормилица. Захожу я в этот дом, женщина рыдает по корове, а у меня сердце из груди вырывается: как на ее плечи еще такое горе опустить? Олечка, младшенькая самая дочурка, бежит вокруг стола и поет:

*Конь вороной, серые копыта,
Когда кончится война,
Поедим досыта...*

Порыдал я вместе с той матерью, а похоронки так и не отдал, вернул председателю сельсовета Михаилу Зайцеву...

Правление хозяйства упросило меня поработать счетоводом. Пришлось по совместительству и за бригадира, и за кладовщика, и за землемера трудиться. Как заправский руководитель ездил верхом на лошади.

Спустя какое-то время и на себя самого повестку в армию получил. Попал в училище.

Сейчас думаю, что, наверное, ангел-хранитель следовал за мной. 9 месяцев учился в самый сложный период войны в Великом Устюге, в передислоцированном сюда из Белоруссии Пуховичском пехотном учили-

Тамара Крученка

ше. Судьба... Выпустили в звании лейтенанта, в должности командира стрелкового взвода.

А завтра, завтра бой...

Воевать начал в 60-й армии Черняховского на Курской дуге. Нашу дивизию перевели в 70-ю армию и в ночь на 4 августа 1943-го северозападнее Фатежа мы пошли в наступление. Форсировали реку Неженка. 29 августа мы ступили на землю Украины и получили задачу овладеть этим городом — райцентром Сумской области. К Глухову мы подходили со стороны леса. Немцы вырыли вдоль железнодорожного полотна окопы, установили станковые пулеметы. Так что мой взвод вынужден был бить станковым пулеметом в лоб противнику, что позволило преодолеть железку и по-пластунски по обочине добраться до разбитого здания вокзала. Там фашисты также имели сильный оборонительный узел, однако нам удалось сосредоточить их на вокзале и забросать гранатами. За эти бои меня наградили орденом Красной Звезды.

22 сентября мы форсировали Днепр в районе Домантово. На восточной окраине этого населенного пункта были жесточайшие бои. Шесть часов подряд одна за другой следовали вражеские атаки. Трижды бомбила нас немецкая авиация. Плацдарм, который мы удерживали, простреливался насквозь. Только с прибытием подкрепления стало чуточку легче. В боях на рубеже Забары, Каменка 11 октября 1943-го я был ранен в обе ноги и руку. После госпиталя попал в резервный офицерский полк. В марте 1944-го меня откомандировали готовить младших командиров для фронта. За эту службу награжден орденом Отечественной войны второй степени.

От автора. В августе 2013 года Михаил Дмитриевич Рычков представлял ветеранов Гомельщины на торжествах 70-летия Курской битвы, общался с руководителем Правительства Российской Федерации Дмитрием Медведевым, с которым и сфотографирован на память. Кстати, у Рычковых 27 альбомов с материалами об истории страны и судьбе семьи.

Не раз участвовал ветеран и в торжествах в украинском Глухове, имеет особую доверительную грамоту руководства этого города.

С непобедимою и легендарною...

В период службы в Москве мне довелось быть командиром курсантской роты Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета СССР, участвовать в 14 парадах на Красной площади.

А в сентябре 1954-го попал на Семипалатинский ядерный полигон, был заместителем, потом начштаба стрелкового батальона. Прослужил там пять лет. Бывало не раз, индивидуальный дозиметр фиксировал 50 рентген. И после этого судьба жить!

Лёсай зорных і міннені

Памятник землякам

Задумка о памятнике землякам-великодворцам появилась, когда как-то побывал на торжестве в Великом Устюге, где открыли монумент нам, пехотинцам, выпускникам двух училищ.

В то время я был проректором по административно-хозяйственной части гомельского университета, да к тому же имел опыт Академии тыла и транспорта. Чтобы убедить несговорчивого председателя колхоза, пришлось пойти на тактический ход. Я сказал ему, что это памятник не только тем 264 землякам, сражавшимся на фронтах, но и ему как руководителю хозяйства. Три отпуска пожертвовал я на это благое дело. Через московских архитекторов узнал, что две отлитые скульптуры солдата имеются на одном из заводов Калуги. Упросил председателя колхоза Юрзина забрать одну из них. В Ереминском Доме быта заказал мраморные плиты, высекли на них фамилии и имена. Видя, как движется дело, председатель прислал машину в Гомель аж за 1200 километров, чтобы забрать их. А я уже сценарий торжества готовил, все как подобает, с оркестром. Знаете, 9 Мая 1989 года, в день открытия памятника, ко мне подходили бабушки-землячки, на колени становились, руки целовали...

А нам нужна была одна Победа, одна на всех...

Недавно участнику Великой Отечественной войны Федору Самойловичу Авдеенко вручена Почетная грамота Национального собрания Республики Беларусь «за значительный вклад в развитие ветеранского движения, патриотическое воспитание молодежи и реализацию социальной политики». Принимая награду из рук председателя областного совета ветеранов Владимира Чарнаштана, 90-летний полковник Советской Армии Авдеенко сказал: «Люблю Республику Беларусь!» А душа его сейчас очень болит за Украину: в краю, где рос и начинал трудовой путь, идут боевые действия, гибнет мирное население.

Мы общались с кавалером четырех орденов Красной Звезды и двух орденов Отечественной войны и многих медалей в течение нескольких часов. Федор Самойлович впечатлил памятью не только на даты и фронтовые эпизоды, но и фамилии людей, с которыми пересекался на военных и мирных дорогах. У него отменное чувство юмора, чрезвычайно современное восприятие жизни.

Рабочая закалка

— Я родился на хуторе недалеко от поселка Андреевка в Донбассе. В 1929-м, когда стали образовывать колхозы, мы уехали в Константиновку. Помнится, отец очень сильно переживал закрытие церквей в тот период, был он сильно верующим человеком, чуть было из-за этого не пострадал. Так что мы переехали в Константиновку. Отец устроился на цинковый завод маляром. Жили в однокомнатном бараке. В одном углу стояла родительская кровать, а над ней — икона. В другом углу размещались моя и брата Вани, а над ней висел портрет Ленина или Сталина (точно не припомню). Перед дверью располагалась кровать сестры Дуси.

До четвертого класса я учился в начальной школе №12, а семилетку окончил в СШ №18. Как только вступил в пионеры, пытался перевоспитывать отца в атеисты. Но из этого ничего не получилось. Папа всегда отвечал мне так: «Сынок, без Бога не дойти и до порога...» Так что каждый из нас остался со своей идеологией.

Жили так «богато», что решил пойти учиться в ФЗУ на токаря. Спустя год правительство приняло решение о закрытии училищ, преобразовании их в ФЗО и ремесленные училища. Нашу группу, около трех десятков человек, направили в ФЗО №30 стекольного завода. Так что в 1940-м получил я специальность электромонтера. Нас с другом Колей Бойко направляют на «Краммашстрой» возводить подстанции. Поднимались в четыре часа, чтобы успеть пройти три километра на 6-часовой поезд в Краматорск... Потом нам выделили общежитие.

Родину защищать

21 июня 1941 года выполняли с Колей работы на крыше 6-го цеха «Краммашстроя», а на следующий день в воскресенье вышли с ребятами

Лёсаї зорныя імгненні

погулять в город. И услышали из репродуктора весть о начале войны. Трудились мы вплоть до 7 октября.

Молодые были, смелые, отчаянные. Когда получили «бронь» и возможность поехать трудиться на Урал, отказались. Двинулись в свою Константиновку, по месту постоянной прописки. Встречает нас 10 октября милиционер и ведет в горвоенкомат. Там поручают разнести по адресам по десятку повесток. Выполнил я задание, прихожу домой, а на столе и мне самому повестка. Колю тоже не забыли. Что-то успели прихватить из продуктов, и побежали в парк имени Фрунзе, на сборный пункт.

В тот день призвали сразу, как я слышал, примерно 10 тысяч человек в возрасте от 18 до 50 лет. (Тогда в Константиновке было 106 тысяч населения). Разделили все это людское море по тысяче. И только прозвучала команда «направо!», как в небе появились два английских самолета, очень похожие на «мессеров». Кто-то заорал: «Немцы!» И вмиг это людское море как волной смыло. Мы с Колей залегли в кювет. Пошел сильнейший ливень. Поскольку находились на другом от нашего дома берегу реки Торец, решили заночевать в поселке Сантуриновка. Назавтра пришли к местному ДК. Здесь какой-то военнослужащий запаса громогласно объявил: «Кто хочет защищать Родину, — за мной, я знаю куда идти» Собралось не более 200 человек, и мы с Колей двинули вперед. В Дзержинске нам объявили, что конечный пункт — Старобельск, это Ворошиловградская (теперь Луганская) область. С узловой станции Дебальцево добирались на крыше санитарного поезда до Ворошиловграда, а там нас сняла милиция, так что пришлось перебраться в пространство между вагонами.

В Старобельске нас разместили на... нарах в опустевшей тюрьме. Зачислили в 76-й запасной артполк. Пешком по ночам шли, а днями прятались в помещениях, чтоб немцы не подвергли бомбардировке. Такую тоску испытывали, видя где-нибудь в степи свет в окнах домов, представляя, какая там жизнь обычная течет. Голодали страшно. Один раз Коля смог раздобыть булку хлеба, так это было таким счастьем!

В селе Михайловка нас погрузили в грузовые вагоны и отправили на станцию Платовка Оренбургской области. Стали готовить из нас артиллеристов. Спустя какое-то время мы с Колей просились на фронт, даже угрожали лейтенанту, что сбежим. Не знали тогда, что такое бегство расценивается как дезертирство.

31 декабря 1941 года мы с «двоюродным братом» (такое родство придумали, чтобы вместе служить) были в карауле. И сбывается мечта: нас снимают с дежурства и отправляют в 59-й стрелковый полк, маршевую роту, которая идет на фронт. Набрали человек 30. 11 марта прибыли в 6-й батарею 2-го дивизиона 916-го артполка 348-й стрелковой дивизии. Комбат спросил, кто мы по специальности. Сказали, что связисты. «А мне разведчики нужны. Пойдете в разведку?» — поинтересовался у нас. Так под Ржевом стали артиллеристами-разведчиками.

Тамара Крчэнка

Спустя какое-то время меня пригласили в штаб, предложили отправить на учебу на офицера. Отказываюсь. А майор Дей, придя с того совещания, огорошил: мол, не хочешь быть офицером, принимай отделение разведки и командуй! Кстати, он периодически брал меня в качестве своего телохранителя.

В октябре 1942-го года снова пригласили в штаб полка и предложили ехать учиться на офицера. Вновь пытался откреститься, но напомнили, что «Родина приказывает...». Тогда я попросил отправить вместе со мной двоюродного брата Колю Бойко. Поехали мы через Москву на Красноярск. 7 ноября 1942-го прибыли. Меня, сержанта, направили в одну батарею, Колю, рядового — в другую.

3 сентября 1943 года я получил звание младшего лейтенанта. Направили в гвардейскую часть командиром взвода управления батареями.

И вот тут и разошлись наши пути-дороги с другом. Меня направили на Центральный фронт, потом на I - й Украинский, а Бойко — на Юго-Западный. Участвовал я в форсировании Днепра, освобождении городка Чернобыль.

На войне как на войне

31 декабря 1943 года мы уже были в Коростене. Комбат — Алексей Онищенко, одессит. У него я научился быть еще смелее, еще упрямее в отстаивании своего мнения... Когда он уехал учиться в академию, (было это уже на территории Западной Украины) комбатом стал старший лейтенант Филатов. И вот помню, что ночевали в селе Берлин Бродовского района Львовской области. Расположились в подвале. А тут слух прошел, что немцы готовятся к наступлению. Но я уже боец битый был, чутье имел. Понаблюдал, как ведет себя противник, убедился на 99%, что наступления не будет. Лег и сплю спокойно. Мне потом ребята рассказывали, как Филатов вокруг меня круги нарезал и приговаривал: «Надо же, спит себе, хоть бы что, ничего не боится!»

При форсировании Вислы командиру 2-го батальона 10-го стрелкового полка майору Клименко было приказано остаться и защищать переправу. Видимо, каким-то образом фрицы пронюхали, что мы здесь дислоцируемся и решили уничтожить. Комбат майор Клименко послал пулеметчиков, чтобы защитили командный пункт. Весь расчет погиб, за исключением одного парня. Увидев и услышав его, Клименко сразу же направился со штабом в распоряжение стрелковых рот... Я с взводом остался на месте. И правильно сделал. Вскоре начштаба батальона прибегает и сообщает: «Тебе, командир взвода, приказано здесь оборону занять». А я ему в ответ: «Так мы и обороняемся!» Вскоре с взводом прорвали оборону противника, и вышли к Висле, на дамбу. Скомандовал ребятам, чтобы окопались и заняли круговую оборону. Светает. Видим, идет Клименко с ротами...

Звонит начштаба: «За Вислу мы тебе орден не будем оформлять, а присвоим звание старшего лейтенанта». Я тогда сказал, что мне все равно. А зря. Следовало просить орден. Старшего лейтенанта мне так и не присвоили, потому что должность лейтенантская. И орден не получил. А комбату майору Клименко... присвоили звание Героя Советского Союза.

...В феврале 1945-го на территории Германии в городе Зарау дивизию окружают немцы. Пехоты нет впереди, сидим в окопах, три ночи глаз не смыкаем. Пришел начальник разведки полка, старший лейтенант Сафронов и сообщил: «Тебе приказано явиться в штаб». Размещался он в одном из жилых домов. Майор Дубенец меня встретил и с порога предложил: «Устал, наверное, ляг, поспи на диване». Три часа я отдохнул, и он меня разбудил и сообщает: «Подвезли 9 подвод со снарядами и одну с хлебом. Надо все это доставить в Зарау. Кроме тебя послать некого». Ну, думаю, все, капут тебе, Федя... Но приказ надо выполнять любой ценой. Выхожу, собираю ездовых. Все как на подбор — украинцы, и всем под 50. Спрашиваю у них:

— Под бомбами были?

— Були! — отвечают.

— А под снарядами?

— Були.

— А под пулями?

— Не були...

Приказ я выполнил.

Любовь и верность

...Запомнилась фронтовику и встреча с американцами на Одере. Об этом событии у Федора Самойловича есть памятная медаль. Сослуживцы рассказывали, что видели его вскоре после войны в кинохронике тех лет: стоял наш brave артиллерист рядом с союзниками, три боевых ордена сверкали на груди.

Войну командир взвода разведки, гвардии лейтенант 34-й гвардейской Висленской орденов Суворова, Кутузова артиллерийского полка Федор Авдеенко завершил в Праге. Задержался там до 7 ноября 1945-го. Чешский язык выучил, нормально общался на нем и читал. А потом выполнял приказ сопровождать эшелон с вооружением дивизии и прочим снаряжением в Австрию. Там располагались в крупнейшем замке, где в свое время был штаб Суворова.

В августе 1945-го, наконец, получил отпуск, и, приехав во Львов, хорошо отметил с бойцами возвращение на Родину, и сразу же отправился в свою Константиновку.

8 сентября здесь праздновали освобождение Донбасса. Федор Авдеенко в тот день закружил в вальсе очаровательную девушку Елену. 28 сентября молодые расписались.

Тамара Крученка

В нынешнем сентябре будет 68 лет их совместной жизни! Такой вот пример любви и верности! Елена Александровна следовала везде и всюду за мужем, 11 населенных пунктов поменяли за время службы. А сменив военную форму на гражданский костюм, ветеран 16 лет отработал в Гомеле старшим инженером по охране труда на фабрике индпошива и ремонта одежды, был здесь секретарем партийной организации.

Из досье полковника Советской Армии Федора Авдеевко

В мае 1946-го с дивизией приехал в Беларусь, разгрузились в Могилеве. А расположились в 9 километрах от Орши. С 1948 по 1954-й служил в столичной дивизии в Уручье. Здесь окончил вечернюю школу, получил аттестат о среднем образовании. Окончил Минское артиллерийско-минометное ордена Отечественной войны училище, по специальности офицер-артиллерист. С 1954 по 1958-й год служил в Мышанке на Гомельщине. В мае-октябре 1958 года окончил курсы ракетчиков в Ленинграде при артиллерийской академии. В декабре 1960 прибыл в войсковую часть 54090 в Пермском крае. Командовал ракетным полком стратегического назначения. Летом 1961 года дивизион под его командованием произвел пуск оперативно-тактической ракеты (ОПР) в Капустином Яру. Летом 1962-го — пуск испытательной ракеты 8К64У (межконтинентальной) с полигона Байконур по акватории Тихого океана. 29 марта 1966 года боевой расчет полка произвел пуск ракеты с космодрома Плесецк на полуостров Камчатка.

Теперь внук Федора Самойловича — Сергей служит в космических войсках, кандидат технических наук, подполковник. А веселит прадедушку Федора 10-летний Вовка, в праздничные даты озвучивающий ветерану пожелание «стать генералом!»

Мне довелось стать невольной свидетельницей общения Федора Самойловича со своей супругой. Поразилась, узнав, что ветеран сам водит машину и доставляет жену в поликлинику. Действительно, и годы не властны над человеком сильнейшей армейской закалки. Так держать, Федор Самойлович!

Малиновый рассвет над речушкой Друтью...

"28 ноября 1942 года. Идет бой за город. Высоты, примыкающие к Лукам с запада, в белых барашках снарядных разрывов. Наши батареи стреляют уже с юго-запада. Штурмовики хищно кружат над окутанным дымом городом. Содрогаются от канонады стены землянок. Шум в воздухе приободряет тех, кто на земле. Отзвуки далеких боев проходят к нам легкими шумами и гулами. Они нам мало чего говорят, внося путаницу и в ориентации. Ясно только, что город обходят. Восточная часть его, фронтальная, изувечена артиллерией нашего дивизиона. Пехотинцы лезут на Сергиевскую Слободу. Северные пригороды — одно пепелище..."

Это фрагмент бесценных дневниковых военных записей артиллерийского разведчика Олега Плиндова, сделанных в боях за российский город Великие Луки — шли они 55 суток...

Документальная повесть сражений — в пяти небольших записных книжках, затертые обложки которых словно пропитались дымом боев и пожаров Великой Отечественной. Слушала Олега Назаровича в его уютной гомельской квартире как ученица учителя. Столько интересного открывалось в судьбе этого человека, награжденного за мужество и героизм двумя орденами Отечественной войны, двумя медалями "За отвагу". Мгновенно пролетели три часа общения. Одно поторапливало: мой герой намеревался отправляться на "реставрацию" в госпиталь.

Отец

...Род Плиндовых с соседней Могилевщины, из деревни Липск Круглянского района. Назар — отец Олега — в сентябре 1906 года подростком попал на "кровавый базар" в местечке Бельнич. В тот день у волостной управы полиция на глазах у многолюдной толпы расстреляла шесть местных жителей. Они выражали несогласие с тем, что несколько земляков удерживаются под арестом по подозрению в связях с "социалистами". Расправа врезалась в память Назара навсегда...

С похвальной грамотой окончив школу, мальчишка по воле дальнего родственника, работавшего у фабриканта Путилова, был отправлен в Питер. Трудился в разных местах, а когда началась первая мировая, попал в элитный Семеновский гвардейский полк, который охранял Зимний. Частенько пареньку из белорусской провинции доводилось видеть Николая II и царицу с детьми, министра двора Фредерикса и других влиятельных персон того времени.

Георгиевским крестом были отмечены мужество и храбрость Назара Плиндова, участника Брусиловского прорыва. В февральскую революцию он перешел на сторону восставших и был избран заместителем председателя полкового комитета.

А после революции 1917-го Плиндов-старший вернулся на родину. Возглавлял ревком, создавал комбеды, был военным комиссаром. Ког-

Тамара Кручэнка

да возникла угроза интервенции, Назар руководил одним из отделов ЧК. В 1922-м он снова там, где требуется подмога молодому государству: работает в милиции, борется с бандитизмом, в частности, с эсеровскими бандами на Быховщине.

В 1933-м он чудом избежал ареста, завершив работу в должности заместителя начальника милиции в Могилеве. Пошел в лесную отрасль, был председателем отраслевого профсоюза.

От звонка до звонка Назар Плиндов воевал в Великую Отечественную. В боях под Москвой был ранен. Освобождал Западную Украину, Румынию. На территории Польши самым сильным впечатлением для бывалого солдата стало освобождение узников Освенцима.

В Бельничском лесхозе ветеран войны работал инспектором охраны до выхода на пенсию, персональную, республиканского значения. В 50-ю годовщину Октября его наградили орденом Красной Звезды... А два сына и дочь героя революции стали педагогами. Олег более 50 лет отработал в школах России и Беларуси, отличник народного просвещения Беларуси.

По крови созвучные ...

— Родился я 14 марта 1923 года в местечке Круглое на Могилевщине. Мама меня тайно крестила у местного священника. Об этом не подозревал строгий начальник местной милиции — мой отец.

*Они по характеру кротки,
Сидят у ворот в тишине...
Ведь это последние тетки,
По крови созвучные мне.*

Годовалым меня привезли в Бельнич — отец был назначен начальником милиции. Пятилетним сорванцом я забирался в монастырский двор и видел там монахов, восхищался многолюдными “кірмашамі” на рыночной площади.

*Жил да был поселок на Друти,
На торговом он стоял пути.
Был тут монастырь, еще собор,
Не взорвали — был бы до сих пор.*

Отца переводили с места на место. Жили в Чаусах, Быхове, Могилеве. Здесь наша семья осела основательно.

Учился я в средней школе №1 Могилева. Одноклассницей была Таня Карпинская, впоследствии героическая подпольщица. Я был знаком с ее матерью, учительницей нашей школы. Они обе посмертно награждены орденами Ленина.

Руководителем городского комсомольского подполья в Могилеве стал мой учитель русского языка и литературы Казимир Юльевич Метте. Моложе меня на класс учился в нашей школе будущий Герой Советского Союза Леонид Лорченко, который погиб на территории Бельничского района.

Лёсай зорныя імгненні

За год до начала войны я окончил школу, мечтал поступить в Ленинградский университет. Но тут, к несчастью, ввели плату за обучение. Родители уговорили меня пойти на литературный факультет Могилевского пединститута.

Юность моя была спортивной. Играл за юношескую команду «Спартак», даже участвовал в финальной игре на кубок республики. Да и в русский хоккей с мячом играл. А еще писал стихи.

Во мне, как будто бы осколок, сидит прошедшая война

22 июня 1941-го... Мы с девушкой, первокурсники, сидели за учебником психологии, готовились к экзамену. Вдруг кто-то отчаянно застучал в окошко одноэтажного домика. Распахнув ставни, мы увидели ее брата, который сообщил: "Включите радио! Война!" Помчались на улицу Первомайскую, где обычно собиралась молодежь. Все мы были убеждены, что фрицам немедленно будет нанесен ответный удар, война закончится быстро, и притом, на территории врага.

В тот день над городом еще только летали вражеские самолеты-разведчики. Потом были первые жертвы, позднее пришли первые беженцы. Страх, казалось, постепенно заполняет все пространство...

Я вступил в партийно-комсомольский истребительный батальон, созданный из непризывной молодежи и белобилетников для борьбы с немецкими диверсантами. А затем вынужден был уйти на восток с отходящими частями Красной Армии. Воевал на Западном, Калининском, 3-м Белорусском фронтах. В боях под Витебском перенес тяжелую контузию и ранение.

*Шел бой за маленький поселок,
Вокруг стоял и треск, и гул,
И тут внезапно злой осколок
Мне прямо в шею саданул.
При выписке врачи сказали:
"Живуча нынче молодежь!
С раненьем этим, милый парень,
Ты больше в полк не попадешь!"*

Военные стихи Олега Назаровича без броских рифм, без претензий на оригинальность. Они ценны своей сутью, сотканы из лично пережитого. И воспринимаются, как зарисовки Великой Отечественной.

Олег Назарович — автор трех поэтических сборников: "Я бы мог погибнуть в сорок третьем", "Рукопожатие", "Отставший от стаи". Есть и рукопись четвертой книги под названием "Какими мы были". В 1980 году Плинов стал лауреатом литературной премии комсомола Могилевщины.

Как уцелел в аду войны? Листая свои фронтовые блокноты, Олег Назарович рассказывает:

Тамара Крутэнка

— Сорок третий год был для меня фатальным. Трижды я избегал неминуемой гибели. Впервые это случилось на Валдае. Я направлялся с донесением в штаб полка. Шел вдоль берега небольшой речушки. Места эти немцами не простреливались. Река делала крутой изгиб, и тут открывался простреливаемый для снайпера участок. Этого я не знал. Обычно автомат носил на груди, а тут развернул за плечи. Подходя к штабу, возвратил автомат на прежнее место и чуть не обомлел: на стволе была вмятина, приклад расколот. В него угодила разрывная пуля. В штабе полка автомат переходил из рук в руки. Все охали и называли меня счастливымчиком. Начальник штаба сказал, что я в рубашке родился.

Второй случай. Шли уличные бои в Великих Луках. Я с небольшой группой разведчиков укрылся в овощехранилище. Крыши над ним не было, да и под ногами хлюпала мерзлая картошка. Неожиданно в трех метрах от нас с характерным свистом упал снаряд. Я стал считать про себя: раз, два, три. Но он не разорвался. Лишь небольшое облако пара стояло над ним.

*Бога помянули в страхе дважды,
Зарево стояло в небесах...
Наши жизни — это понял каждый —
У судьбы лежали на весах.*

А в третий раз я чудом уцелел на Смоленщине. Была короткая передышка, фронт остановился. Наблюдательный пункт нашей батареи обосновался на чердаке уцелевшего домика в маленькой безлюдной деревушке. Разведчик-наблюдатель Карпов возился со стереотрубой. Рядом с ним примостилась телефонистка Лина Ольшевская. А я, командир отделения разведки, с котелком отправился за водой к криничке. Уже со двора видел, как Карпов для лучшей видимости раздвигал доски фронтона дома. Фрицы наверняка засекли блеск стекла стереотрубы. Прогремел артиллерийский залп, и от нашего наблюдательного пункта ничего не осталось. Двое друзей на глазах погибли, я не избежал легкой контузии.

Весной 1944-го меня сильно зацепило и надолго вырвало из рядов. Шел бой за железнодорожный полустанок под Витебском. Лечение в госпиталях, инвалидность, демобилизация...

В год 50-летия Победы побывал в местах, где мы наступали. Начал с озера Селигер. Ехал на поезде, плыл на теплоходе, шел пешком. Добрался, наконец. Деревушка глухая, тишина звенящая вокруг. Рубленый домик, сооруженный над ключом, бьющим из земли. И надпись, не оставляющая никого равнодушным, о том, что здесь исток великой русской реки Волги...

Вспомнилась весна 1942-го. Когда мы подошли к Великим Лукам, разлив Ловати был такой, что, казалось, небо с ним слилось. Наша ба-

Лёсаў зорныя імгненні

тарей — в окружении воды, никаких продуктов нет. Отстреливали нерестующую рыбу, чтобы питаться. Позднее нам сбросили с самолета груз с продовольствием. Большая вода и задержала нас в боях местного значения. Только к середине осени фронт стал продвигаться, начали наступление. К слову, Левитан уже объявил о взятии города, а мы еще недели полторы фрицев там выбивали ...

Новый, 1943-й год встречали в Великих Луках. Как раз заняли аптеку и захватили в плен немца-аптекаря. Все сбежали, а он остался. Я с ним вел беседу, выяснил, что с Эльзаса родом...

По соседству с аптекой был продовольственный склад: шампанское, вина на любой вкус. Так что пришлось охрану выставить. А позднее вместе с этим фрицем я вещмешок с набором вин в штаб полка отправил, за что и схлопотал от комиссара...

За них, ушедших, я теперь живу

Литобъединение наше было создано в начале 50-х. Руководителем его в институте был поэт Николай Горулев.

У нас выросли писатели Дмитро Морозов, Вячеслав Казакевич, Григорий Евсеев, Василий Найдин, Александр Мельников, Григорий Сорока.

Олег Назарович с нескрываемым интересом читает мне строки друзей из коллективного сборника белынических поэтов "Праменьчык сонца ў душы маёй". Опубликованы в нем и его стихи.

В Белыничах Плиндова узнавали на улицах, сообщали: "Олег Назарович, баня плохо работает..." Доставалось от поэта и работникам бытовки, и торгашам. Писал различные поэтические "сцены из жизни", причем, этот жанр творил сугубо на белорусском языке. Получалось очень смешно, хлестко.

В судьбе моего героя было немало памятных литературных встреч. Попросила вспомнить самые яркие:

— В году, наверное, 1939-м Могилевский драмтеатр ставил пьесу по мотивам "Полесских повестей" Коласа. Якуб пригласил на спектакль Янку Купалу. Кто-то из ребят приобрел билеты в театр на коласовский спектакль, на галерку. И мы с одноклассниками, считавшие писателей небожителями, шествовали за классиками повсюду: в фойе, буфет...

В то время я занимался в школьном литкружке, и нас с Ниной Дахиной считали перспективными. Только что газета "Коммунар Могилевщины" напечатала мой стих, и я ходил окрыленный. В школу и пригласили на заседание литобъединения Купалу и Коласа...

Александра Твардовского слушал на фронте. Как-то нас позвали в штаб дивизии послушать его выступление. Получилось, что сидел рядом с поэтом. Очень полюбил его творчество, и сейчас главы из "Василия Теркина" знаю наизусть. В то время периодически писал в дивизионную газету, и для меня были интересны отзывы такого профессионала...

Тамара Кругэнка

В 70-е годы прошлого века я работал в Липецке. Был директором железнодорожной школы. Как-то узнал, что в Воронеже готовят коллективный сборник писателей. Поехал в издательство. Стоим, общаемся с авторами. А тут подходит Римма Казакова и по-женски откровенно высказывается о том, что подмерзли ноги, пока добиралась. Кто-то из юмористов предложил провести конкурс: кто за пять минут сочинит лучшую эпиграмму в восемь строк? Рифмованные записки мы бросали в сумочку самой поэтессе. Победителем объявила меня.

Он обожает "гарики" Игоря Губермана. Выписал в блокнот, и когда подступает хандра, одолевают болезни, вчитывается в изюминки поэта и смеется от души. Олег Назарович цитировал мне любимые строки. А еще познакомил со своей Музой, супругой Ольгой Петровной:

— Она — первая слушательница моих стихов и самый безжалостный критик. И знаете, больше ругает, чем хвалит. В 1943-м, как только Гомель освободили, она поступала на биофак Гомельского пединститута. Но потом поехала в Могилев и окончила пединститут, сразу два факультета — географический и исторический. Получала Сталинскую стипендию, была депутатом горсовета. Мы с ней объехали всю страну.

Теперь он все больше занимается эпистолярным жанром, пишет поздравления внукам и правнукам, знакомым и друзьям. Иногда иронизирует о собственном поколении:

*Не помогут нам санатории,
С процедурами и бассейнами...
Просто стали мы все Историей,
Экспонатами стали музейными...*

И впрямь уникальный он человек, Олег Назарович Плинов!

Судьба, изрешеченная войною

Под окнами его пятиэтажки после затяжной зимы ожили березы. Ветви с сережками постукивают в стекла балкона на четвертом этаже «хрущевки». Николай Васильевич Неклеса, участник Великой Отечественной, глядя на них, размышляет о «побегах» своего родового дерева, правнуках Коле и Денисе. Для мальчишек-подростков, детей безвременно ушедшего внука, ветеран приготовил бесценный подарок — летопись своей жизни. Оформил ее в увесистом альбоме, с фотографиями и картами боевых действий. С повествованием о крупнейших операциях Великой Отечественной войны, в которых участвовал, с информацией о своих шести орденах. Сам оставшийся в пять лет без отца, он знает, что ребята должны воспитываться на мужских примерах...

В Киевское артиллерийское училище парнишка из села Марьевка, что на Кировоградчине, поступал, отучившись на зоотехника, в 1939-м. А заканчивал уже Тбилисское. Назревала война. 6 июня 1941-го был выпуск, Николай получил звание лейтенанта и был назначен командиром взвода гаубичного артиллерийского полка 68-й стрелковой дивизии, ставшей впоследствии Краснознаменной.

— В Термезе я узнал о начале войны. Нас разгрузили в Кизил-Арвате. Пошел в дивизион получать карты, смотрю, мы вплотную приблизились к Ирану, — рассказывает полковник. — Была договоренность правительств наших стран о введении войск и обеспечении безопасности южных границ СССР. Мы вошли в Иран и до октября 1941-го были там.

Новое назначение 40 офицеров дивизии получали в Ашхабаде. Я стал заместителем командира бронетанкового дивизиона 37-й стрелковой бригады, которая формировалась под Самаркандом. С ней и вступил в бои по обороне Москвы. 5 декабря 5-я армия Говорова перешла в контрнаступление, и мы прогнали противника более чем на 100 километров до города Руза. Получив пополнение, направились на Западный фронт, в район Старой Руссы, где шли бои по окружению Демянской группировки противника.

Потери были значительные, и мы пополнялись на Вологодчине. Со станции Шексна отправились на Сталинградское сражение. Нашу бригаду ввели на Россошском направлении с целью расширения фронта окружения противника. Мы освобождали Белгород, Харьков, 25 километров не дошли до Полтавы.

В 1943-м нашу бригаду переформировали в 204 стрелковую дивизию, я был назначен командиром 193-го противотанкового дивизиона, участвовал в боях на Курской дуге.

Тяжелейшие бои там были. Противник применил «тигры», но у нас уже были новые коммунитивные снаряды. И мы громили эти танки, а также самоходные орудия «фердинанды». Дивизион наш 11 «тигров» подбил. Там я получил орден Красной Звезды.

Тамара Кругэнка

— А где вам вручен орден Александра Невского?

— С Курской дуги дивизию бросили на Калининский фронт, в Ярцево-Смоленскую операцию, в направлении на Витебск. Хотели мы с ходу взять его, а силенок не хватало. Пытались с восточной стороны наступать, но 14 километров до города не дошли. И севернее, на городокском направлении, наступление захлебнулось. В ноябре сильные морозы грянули. И мы до июня 1944-го стояли в обороне. Витебск дался большой ценой. Дивизия наша получила наименование «Витебской», мне дали орден Александра Невского. На Витебщине освобождали Лепель, Бешенковичи, Чашники.

На территории Литвы Николая Неклесу вызвал комдив, озвучил приказ: зайти на 80 километров в тыл противника и занять местечко Тарангай. С пулеметным и саперным взводами, приданными на усиление дивизиона, Николай задачу выполнил. За умелое командование передовым отрядом он был награжден орденом Красного Знамени.

Позднее дивизия вела бои по окружению Курляндской группировки. В километрах пятнадцати от Лиепай Неклеса встретил День Победы. За боевые действия на территории Прибалтики награжден орденом Красного Знамени. Мужество и героизм, толковое командование дивизионом было отмечено и орденом Отечественной войны второй степени.

— Николай Васильевич, а были неординарные эпизоды, которые вспоминаются очень часто?

— На станции Шексна в наш дивизион ввели две роты противотанковых ружей. Формировали эти подразделения из бывших заключенных. Скажу вам, храбрейшие мужики. Разместили их в двух разных селах. В одном — тишь и благодать. А в другом, что километрах в пяти, то корова пропадет, то кабан. Это, бесспорно, их рук дело. Но доказать ничего невозможно было. Круговая порука! Мирное население беды хлебнуло...

А на Украине, помнится, стояли в обороне. А тем «ружьям» довели задачу добыть языка. Вызвалась это сделать троица, причем, оперативно. Но я объяснил им, что пока рановато, так как нет передовых стрелковых частей, которые обычно знают, где пройдет разведка и готовят для этого «окно». Но через некоторое время обнаружилось, что нет этой троицы. Отсутствовали парни два дня. А на третий привели здорового фрица, да еще пять или шесть книжек солдатских немецких доставили.

Комбригу я доложил, он наградил бойцов орденами Красной Звезды.

— Вы побывали в таких военных передрягах и все же вышли победителем, вернулись с войны. Что помогало?

— Думаю, все-таки судьбой было предначертано выжить. Приведу пару случаев.

В одной из деревень Подмосковья в крайней избе остановилось командование дивизиона, а также взвод разведки из шести человек. Мы, офицеры, уселись за печкой. Она стояла посреди хаты. И тут в угол

избы как саданет осколком снаряда! Чудом, но уцелели...

Еще случай. В Прибалтике комдив приказал перебросить дивизион на танкоопасное направление. Я всегда старался разместиться так, чтобы поблизости был лесок, в котором можно удачно замаскироваться. Расположились. Вот уже старшина объявляет, что может всех обедом покормить. А ко мне в этот момент сын полка подошел с просьбой. Знал, что мы накануне трофеев захватили — мотоцикл немецкий на гусеничном ходу. «Покажите, как на этом мотоцикле ездить», — добивается паренек. Отъехали мы с ним от расположения метров на сто. А тут, как назло, один-единственный противотанковый снаряд попадает в штабную машину. Начштаба сразу убило, комдива ранило... Мне, считая, везло. Правда, когда с фронта вернулся, тесть взял шинель мою и глянул сквозь нее на свет. Вся как решето была, сквозные дыры.

— Правда, что ваша супруга перед войной была актрисой Сумского театра имени Щепкина?

— Да, Мария Костыркина (в семье мы звали ее Мусей) играла в театре. Она окончила школу-студию при театре. Я познакомился с ней в ее родном селе, когда стояли под Сумами в обороне. Поскольку нам не полагался санинструктор (Муся окончила до войны курсы), то она успешно освоила профессию радиотелефонистки. С мая 1943-го и до конца войны мы прошли вместе. Да и послевоенную службу армейскую от Бреста до островов Курильской гряды вместе прошагали. Муся активно участвовала в самодеятельности везде, где мы служили. Вырастили двоих дочерей. Света родилась в Рыбинске, а Оля — в Южносахалинске. Интересно, что у Светланы муж дослужился до подполковника, а Оля и замужем за начштаба полка, и сама до недавнего была начальником отделения связи бригады ПВО, уже на пенсии.

Военный человек умеет ценить время. Не только свое. Вот и полковник в отставке Николай Васильевич Неклеса буквально потряс нас своей готовностью встретиться во всеоружии. Вышел навстречу в белой рубашке, с парадным кителем в руках. На столе лежала стопка альбомов с фото и документами. И как он преобразился, этот убеленный сединами человек, надев китель.

Более трех десятилетий полковник Неклеса возглавляет совет ветеранов родной Витебской дивизии. Чтобы быть в форме, постоянно совершает многочасовые прогулки по микрорайону.

На всю оставшуюся жизнь

Мы общались с Николаем Алесеевичем Жиленко в 2011 году, когда он отпраздновал свое 90-летие. Встретились после юбилейной кутерьмы, чтобы спокойно поговорить о жизни. Повод был еще один очень важный: с помощью внучки-журналистки Юлии Пешковой, работавшей в ту пору в одном из глянцевого журналов российской столицы, ветеран издал в Москве книгу воспоминаний “Жизнь у всех одна”... Вышла она тиражом всего 300 экземпляров. Мне посчастливилось получить ее с автографом автора.

Общались с Николаем Алесеевичем у него дома. Удивительно: в комнате несколько часов разных годов выпуска. Все они тикают по-своему, словно напоминая о скоротечности времени. Мой собеседник живет в четком ритме, ценя каждую минуту и секунду: у бывшего артиллериста строгий график подъема. Точь-в-точь по часам прием пищи и сон. Этому правилу участник войны Жиленко не изменяет десятилетиями.

На мгновение представила его идущим по коридору первого этажа заводоуправления Гомельского радиозавода. Невысокого роста, с колоритными усами, с папкой документов. Николай Алесеевич долгие годы работал в отделе капитального строительства предприятия. Не раз писала о бывшем фронтовике и труженике заводская многотиражка “Ударный труд” (“Голос”).

Семья

Я родился в 1920 году в Донецкой области в бедной крестьянской семье. Бабушки и дедушки умерли еще до моего рождения. Знаю их по рассказам родителей и старшей сестры. В семье отца было семеро детей, в семье матери — пятеро. Все они занимались сельским хозяйством. Моя мама Анисья Григорьевна была очень трудолюбивой хозяйкой. Всю свою жизнь она отдала детям, а нас было семеро: две дочери и пять сыновей.

С шести-семилетнего возраста я участвовал с братьями в сельхозработах: водил по кругу быков (волов), которые тащили каменную колоду для обмолота пшеницы. Когда мне было почти девять лет, старший брат Виктор отвел меня в первый класс. Был тихим застенчивым мальчиком, но учился на отлично и редко получал четверки.

Колхозы

Наше село было большое (около тысячи дворов), в нем в 1928-1929 годы организовалось сразу два или три колхоза, вернее, сельхозартели. Члены артели, в которой был и мой отец, выехали первый раз в поле 8 марта — это и дало название хозяйству. “8 Марта” просуществовало три-четыре года. Затем мелкие артели стали объединяться в крупные хозяйства. Отец пошел работать плотником на Макеевский металлургический завод имени Кирова.

В 1933 году была ужасная засуха. Зерновых и других сельхозкультур

Лёсаў зорныя імгненні

было получено в разы меньше прошлых лет. Люди ели лошадей, ворон, сусликов, а иногда и собак, пухли с голода. Но у нас в Макевском районе случаев смерти от голода было очень мало.

Юность

В 1936 году после окончания семилетки я поступил в Ясиноватскую среднюю школу №1, где обучение велось на украинском языке. Из отличника я превратился в отстающего ученика. В летние каникулы поступил учеником в химлабораторию Макеевского мсталлургического завода. Был очевидцем, как рабочие на тачках и носилках таскали кирпич, щебень, цемент, растворы. Это были годы массового строительства заводов и фабрик. Котлованы под фундаменты копались, как правило, вручную. А грунт отвозили телегами, запряженными одной лошадкой, а то и ручными тачками. Любая стройка напоминала большой муравейник. В такой обстановке рождались рекорды.

В 1938-м встал вопрос: какую выбрать профессию? Девять парней нашего класса решили поступать в военные училища. Я — в Одесское артиллерийское. Наш набор должны были выпустить не ранее сентября 1941-го, а выпустили в мае.

Пять молодых лейтенантов — Панов, Гаврюшенко, Немченко, Горелик и я — рано утром 8 или 9 июня вышли из поезда на станции Гомель с чемоданами в руках и предписанием в карманах, которое обязывало нас прибыть в 131-ю часть. Она была расквартирована на окраине Гомеля в поселке Березки.

Для первого в Гомеле завтрака мы облюбовали крохотный островок около пляжа, где прямо на песке организовали стол с бутылкой сорокаградусной...

— Ребята, вставайте, война началась, — с такими словами вскочил я в комнату, где мирно спали друзья-однополчане, с которыми только неделю назад уехал из Гомеля в Бобруйские военные лагеря для прохождения службы. На четвертый день войны наша батарея заняла боевые позиции под Жлобином. Свой первый выстрел я запомнил навсегда: по неопытности стоял в створе орудия и оглох от шума. Затем был слегка контужен при бомбардировке, потерял слух.

Сталинград

В декабре 1942-го наш 110-й гаубичный артиллерийский полк получил приказ отправиться по железной дороге под Сталинград. Новый год мы застали на станции Грязи. Фронт тогда располагался в нескольких километрах западнее Сталинграда. На огневые позиции приехали вечером и в открытом поле к утру должны были вырыть окопы для орудий, тракторов, автомашин, землянки для расчета и замаскироваться. Всю ночь мы копали в грунте при морозе 15-20 градусов...

Тамара Кругэнка

Штурм окруженной группировки Паулюса был назначен на 9 января 1943 года. Фельдмаршал со своим штабом находился в подвальном этаже сталинградского универмага. Чтобы выкурить его оттуда, необходима была такая артиллерия, как наша. Наступление велось с двух сторон — с запада и востока — с целью разгруппировки врага на две части, что Донскому и Сталинградскому фронтам удалось. Затем началось сужение двух колец и постепенное их уничтожение.

2 февраля — массовая сдача фашистов в плен. Но еще с утра в этот день мы вели огонь по укрепленным точкам противника. И только к 11 часам поступила команда: “Стоп. Не стрелять”. Мое орудие к этому моменту было заряжено, а разрядить гаубицу можно только выстрелом. Что делать? Пришлось докладывать комбригу. Он — Василевскому. Командующий разрешил разрядить орудие выстрелом в безопасное место: им оказалась Волга, скованная еще к тому времени льдом. И вот около 12 часов дня прогремел последний выстрел моей гаубицы, поставивший окончательную точку в многомесячной битве под Сталинградом. Медаль “За отвагу” была первой моей боевой наградой.

Перекоп

Перекопский перешеек фашистское командование превратило в мощный оборонительный рубеж, так называемый Турецкий вал. За ним фрицам удалось закрепиться и перейти к обороне, которая продолжалась с ноября 1943-го по март 1944-го. Немецкие войска были отрезаны в Крыму от основных сил, а наши (части 4-го Украинского фронта) тоже перешли в оборону, готовясь к весеннему наступлению. Там я узнал, что такое позиционная война: обстрелы, бомбежки без продвижения войск...

Белоруссия

Мы заняли боевые позиции где-то под Оршей и готовились к наступлению. Операция по освобождению Белоруссии проводилась под кодовым названием “Багратион”. Путь наш проходил через Борисов, Осиповичи, а к концу июня были под Минском. Когда стрелковые части пошли вперед, нам, артиллеристам, пришлось выполнять несвойственную операцию по окончательному разгрому окруженной группировки противника западнее столицы.

Кенигсберг

Перед наступлением мы открыли огонь по одному форту. Помогала в этом бомбардировочная авиация. Но для того, чтобы разрушить (толщина железобетонных стен полтора-два метра, земляное покрытие два-три метра), необходимо как минимум два попадания снаряда нашей гаубицы и в одно и то же место. А на это по теории вероятности необходимо не менее 100 выстрелов.

Полностью разрушить обстреливаемый форт не удалось. Но из строя мы его вывели. В этом месте образовалась брешь в линии обороны противника, через которую прорвались пехота и танки.

Парад Победы 1945-го

Мы, тяжелая артиллерия, только к полудню добрались до Красной площади. К этому времени стал накрапывать дождичек. В Параде должны были участвовать только боевые расчеты, без технических, снабженческих и прочих вспомогательных служб, был составлен такой расклад: командир части, начштаба. Командир дивизиона и его начштаба, комбат и боевая техника вместе с командирами огневых взводов и боевыми расчетами. Я был старшим на батарее, пришлось снять офицерскую форму и проехать в пвозке правофланговым вместе со своим расчетом в форме рядового.

В Параде участвовало десять фронтов. Каждый командующий подходил к Мавзолею, поднимался по ступенькам и занимал свое место. Так что, когда мы, артиллеристы, проезжали, все командующие уже выстроились рядком, и была возможность увидеть полководцев, с которыми мы прогнали врага.

А потом что творилось! Как только проехали собор Василия Блаженного, море ликующего народа захлестнуло нас. Забрасывали цветами, целовали, обнимали. Специальный комендантский наряд вынужден был потихоньку раздвигать народ, чтобы мы могли проехать. Но через какое-то время новая волна сметала нас с техники. Братались и ликовали.

Учеба

На Кореневском кирпичном заводе работал я начальником отдела кадров. А тут как раз первый набор в БИИЖТ. Диктант я написал неважно, не прошел. Отправил заявление в Киевский строительный техникум. Мы, шестеро переростков, писали диктант вместе с вчерашними школьниками. Плохо написали. Но я уговорил ребят пойти к завучу, преподаватель русского языка Василий Черток дал нам диктант менее сложный. Прошли вдвоем с каким-то парнем. Техникум окончил с большим трудом, но диплом дал право занять инженерную должность.

О Гомельском радиозаводе

Распад Союза сказался на судьбе нашего завода. Заказы прекратились. Коллектив был поставлен на грань выживания. Это аукается и сегодня. Жаль наш некогда многотысячный коллектив.

Я на пенсию ушел в 70 лет, но связи с предприятием не порываю, выступаю на праздничных торжествах, вспоминаю Оганеса Грабского, Николая Игначкова, Петра Сергиенко, Дияра Жумабаева, Владимира Зубрицкого и многих других фронтовиков. За девиз теперешней своей жизни взял: "Кто это сделает, если не я?" Уже и в районном совете ветеранов участников войны единицы...

PS. Кстати, тогда, в 2011-м, в завершение нашей беседы Николай Алексеевич поделился новой своей идеей: издать мемуары о радиозаводе, который для него словно старый друг, оставшийся верным на всю жизнь. И эту свою задумку ветеран осуществил в 2014-м. Так что есть повод для новой встречи.

Часто, бывало, шел без привала

За форсирование Одера Василия Александровича Николаенко представляли к званию Героя Советского Союза. А получил он орден Отечественной войны первой степени.

В апреле 1991-го решил выяснить, почему «героя не дали»? В ответе на запрос, направленный ветераном в Центральный архив Министерства обороны СССР в Подольске, пришло сообщение: «По архивным документам установлено, что Николаенко Василий Александрович был представлен командованием 9-го отдельного гвардейского саперного батальона к званию Героя Советского Союза. Однако решением вышестоящего командования вид награды был изменен на орден Отечественной войны первой степени...»

Читала этот ответ из Подольска, и испытывала чувство вины перед этим Солдатом эпохи, дошедшим до Берлина. И не только потому, что с высшей наградой Родины так не сложилось. Это уже Василием Александровичем пережито. Горько за то, что происходит на родной его Украине. Военные действия, развязанные среди славян, воспринимаются всеми нормальными людьми как осквернение памяти о солдатах Великой Отечественной, о нашей Великой Победе.

Мы приехали к Василию Александровичу в райцентр Брагин в день его 90-летия вместе с председателем районной ветеранской организации Любовью Деркач и председателем райкома профсоюза работников образования и науки Валентиной Ященко, чтобы поздравить, вручить подарки. В доме на улице, носящей имя героя-чернобыльца Василия Игнатенко, дети ветерана приготовили все, чтобы сделать для отца и его гостей настоящий праздник. Виктор наигрывал на гармошке песни военных лет, Екатерина выставляла на стол угощенья. А мы фиксировали монологи бывшего сапера Василия Николаенко, уроженца села Неданчичи теперь Репкинского района Черниговщины.

Ветеран углубился в пройденное, пережитое. Иногда его монологи приглушали звуки зерноуборочных комбайнов, возвращавшихся по соседней дороге с близлежащих полей. И еще острее чувствовался подвиг Героя. Ведь он вместе с боевыми товарищами добывал ту главную нашу Победу. И форсируя Днепр, Западную Двину, Вислу и Одер, те солдаты не делились по национальностям: плечом к плечу шли москаль, хохол, бульбаш.

Воевать Николаенко пошел в 1943-м, когда освободили родную Черниговщину. В 1942-м умерла его мать. Как только призвали, попал в 215-й запасной полк, располагавшийся за Черниговом в Звеничеве. Его быстро расформировали. Ребята рыли окопы, делали лодки. А служить по настоящему начал в 12-й гвардейской стрелковой дивизии 61-й армии. В саперном батальоне.

Лёсаў зорныя імгненні

А сапер, как известно, ошибается однажды. И то, что вышел Николаенко победителем в той схватке человеческого мужества, упорства и оружия, свидетельствует о многом. Ловкость, смелость, природная смекалка и выручали украинского парня в самых сложных эпизодах войны.

Освобождение Белоруссии

— Днепр форсировал я в Любече. На белорусской стороне мы вышли к озеру Глушец и одноименной деревне в Лоевском районе. Там еще такие села запомнились: Лутава, Севки, Деражичи...

Командир отделения Бондаренко как-то повел взвод на задание. Шли по болотам, в снег проваливались, вымокли до нитки. И тут небольшой участок леса. Поднялись на холм. Увидели массу землянок, оставшихся после местных жителей, спасавшихся в них от врага, а после освобождения возвратившихся домой. Бондаренко сказал, что должна прибыть кухня. И следует найти и доставить питание ребятам. А темень уже такая, что ориентироваться невозможно. Мне 18 лет, хожу, чуть не плачу — задание-то надо выполнить. Повезло. Вышел, увидел палатку, а рядом движок работал и двое солдат в стороне стояли. Оказалось, что они и привезли ужин. Ездовой отправился в свое расположение, а второй солдат взялся помогать нести термосы с супом. 10 буханок хлеба мы по пять друг на друга взвалили и пошли. И тут фриц как даст по той дороге, что месиво из хлеба получилось. Суп тоже стал проливаться, но все же удалось доставить...

— Где-то возле Калинковичей болотистая местность. Там мы «гати-ли» дороги. И вдруг смотрим, что кто-то словно прошелся по обустроенному нами пути, мох прорван там, где еще никто не должен был ступать. Командир Назипов, по-моему, послал четверых человек, чтобы посмотрели, кто и что. Дежурили до двух часов ночи. Появились вдруг несколько вооруженных солдат, явно, что не наши люди. Мы огонь открыли, а они бежать. Двоих удалось поймать. А как прошли мы километров с десятком вперед, заметили шесть шалашей, обложенных мхом нашим. Оказалось, что бандеровцы обустроились. Благо в 1944-м, уже были погранотряды, мы сдали тех задержанных...

— В Петриковском районе, низкая пойма Птичи. И там еще ее приток, запамätовал название. Немцы на нем мосты соорудили. Надо было их заминировать ночью. А вода уже лед приподняла. Под один мост мины подложили. Но следовало еще провести саперный проводник и взрыватель. А тут катушка закончилась. И с автоматом, в валенках я напрямую к тому мосту двинул. Да со всем грузом в полынью провалился. Трижды хватался за кромку льда. Никак. И все же повезло, проволока колючая, может еще с первой мировой торчала. Ухватился за нее и выбрался. Просто подарок судьбы. На берегу разделся догола, выкрутил фуфайку, валенки, вновь натянул на себя все мокрое — и бегом в штаб. А он километрах в восьми. Последние пару километров, скажу откровенно, полз. Но добрался. Сушился там два дня у печки.

Я помню братство боевое

— На территории Германии это было. Немец производил по 18 контратак в день, надо было преградить ему путь. Пошли мы, человек 20 дивизионных саперов, плюс еще армейские с нами. Местность глинистая. Выкопаешь ячейку — вода стоит. Прошли на какое-то кладбище, а через него траншея, и столько в ней убитых наших солдат, что пройти невозможно. Жутко топтаться по ним.

Наконец вышли на гравийку. Одна группа двинула влево, вторая (и я с ней) вправо. Идешь и смотришь только вперед. И тут оборачиваюсь, и вижу что из шести человек за мной уже только трое. Изучил обстановку и решил возвращаться. Однако, не дойдя до начала пути, свернул влево. Смотрю, лежат солдаты. Подумал, что не выдержали ребята, нас не дождавшись, вперед двинули. Лег и я среди них. И вдруг понимаю, что это раненые немцы, после контратаки. Понимаете, каким бы я бесстрашным не был, но тут холодок всего меня пронзил. Тихонечко выбрался я из такого окружения, нашел наших. Мины мы установили, где следует. Два танка подорвались. Мне за этот эпизод одному из взвода вручили орден Отечественной войны второй степени.

— На Одере спасло то, что мы пробрались к их берегу до сигнала нашей ракеты. Подошли, а там «спираль Бруно», она крепилась на металлических штырях. И только наши солдаты стали приближаться, как немцы стали расстреливать их в упор. И тут наша ракета взмыла ввысь, обозначила начало наступления. Ураганный огонь на фрицев уже с нашей стороны. Можете представить, какие там жертвы были. Мы каким-то чудом смогли человек 15 раненых погрузить в свою лодку и двинуть с ними обратно. А на реке разбитые лодки, солдаты плещаются в воде, словно рыба, прижатая сетью... Мы сделали пять рейсов. Неоднократно лодки пробивались минометными осколками. Паклей заделывали и гребли, что было сил. Казалось, что вода кипела.

А под утро немцы разбили понтонный мост. И мы на два понтона положили настил, на который уселся весь батальон. Была задача соединить канаты для переправы. С ней мы успешно справились.

Кстати, о подвиге на Одере саперов Николаенко и Дунайского рассказала листовка политотдела армии. Она, как и многие другие памятные документы, хранится в семейном архиве. А еще в доме Николаенко есть хорошая библиотека мемуаров. Имеется в ней книга комдива 12-й гвардейской Пинской ордена Суворова стрелковой дивизии Дмитрия Малькова «Сквозь дым и пламя», изданная в 1966-м году Военным издательством Минобороны СССР. На странице 165 комдив подчеркивает: «Комсорг 2-й саперной роты, гвардии младший сержант В. А. Николаенко и гвардии младший сержант М. Ф. Дунайский сделали в течение ночи на двух лодках по пять рейсов, и переправили через Одер до 150 гвардейцев. Много потрудились саперы, чтобы обеспечить форсирование Одера, работали по несколько суток без отдыха. Они подготовили

Лёсай зорныя імгненні

достаточное количество переправочных средств. Затем, под сильным огнем врага, переправили подразделения и части на западный берег реки».

В феврале 1945 года руководству колхоза в Неданчичах Любечского района поступило письмо от командования части, в которой служил Василий. В нем говорилось: «Ваш земляк Николаенко как истинный воин социалистической Родины с исключительной добросовестностью выполняет свой долг перед родиной. Он много раз участвовал в решении больших сложных задач. Не раз ему угрожала опасность. Но он презирает смерть, действует всегда смело и решительно, проявляет находчивость и смекалку и всегда выходит победителем, всегда точно выполняет решения командиров... Мы гордимся вашим земляком как лучшим воином нашей части...»

— Мы гордимся тобой, отец! — говорили в юбилейном застолье сын и дочь Василия Александровича, желая ему здоровья и долголетия и как можно реже испытывать боль. Бывший сапер до сих пор носит память о берлинской операции — небольшой осколок мины в правой руке.

— Лежали мы в лесочке. И тут мина, она, как известно, падает вертикально. Мне повезло, что не слишком большой была. Но раза четыре меня перевернуло.

Поступила команда окопаться. Я еще ячейку выкопал. И тогда почувствовал, что температура подскочила. Лег на бруствер, стал уже подплывать собственной кровью. Направили в санбат. Побыл там немного, и вперед. Мы, саперы, сопровождали танки, чтобы в случае заминированных участков освобождать их от смертельной начинки...

В послевоенное время приехал бывший фронтовик Николаенко в Брагин, где жила его двоюродная сестра. Поначалу устроился инспектором на маслозавод. Позднее довелось поработать агентом госпоставок, бухгалтером Кривчанской машинно-тракторной станции, начальником хозяйственной группы районного отдела образования. Свыше четверти века возглавлял районную инспекцию Госстраха, в пенсионном возрасте и диспетчером гортопа работал. 57 лет составляет трудовой стаж бывшего сапера.

Все задуманное в жизни сделал Василий Александрович как полагается: женился на любимой Марии из деревни Севки Лоевского района. Воспитали с ней двоих прекрасных детей, а когда ее не стало, всю заботу об отце взяли на себя сын и дочь. Екатерина в свое время возглавляла пенсионный фонд, Виктор трудится водителем Брагинского района электросетей. Их душевное тепло и поддерживает много пережившего ветерана. Надо было слышать, как пели они вместе с отцом его любимую «Катюшу». Живите долго, Василий Александрович!

Маладосць мая незабыўная

...Пад перастук колаў цягніка па дарозе са Жлобіна ў Гомель я зноў і зноў, бы дакументальную кінастужку, адкручвала яе лёс, углядалася ў эпізоды перажытай ёю вайны. І адчувала бязмерную прыязнасць да гэтай ссівелай 91-гадовай жанчыны, якая дзяўчом трапіла у месіва Курскай бітвы. Яна, радыстка Паліна Зарэцкая, на свае вочы бачыла жорсткае танкавае пабоішча пад Прохараўкай, калі сыйшоўшыся лоб у лоб нашы трыццацьчацвёркі і варожыя “тыгры” гарэлі разам з танкавымі экіпажамі...

Яна хадзіла ў разведку ў атачэнні прыгажунёў-балагураў. Але іх заляцанні былі марнымі. Яна памятала наказ маці: падавіцца, то толькі адным кавалкам. На вайне Паліна зведала груз рацыі за плячыма і аўтамата. Але не менш важкім аказаўся жаночы пасляваенны лёс, які звёў яе з аднафамільцам славутага канструктара...

Жлабінчанка, удзельніца Вялікай Айчыннай вайны Паліна Фёдараўна Калашнікава ў пасляваенны час адпрацавала дзесяцігоддзе на мясцовай швейнай фабрыцы насцільшчыцай, тут зарабіла ордэн “Знак Пашаны” і медаль “За працоўную доблесць” — цудоўнае дапаўненне ваенным узнагародам — ордэнам Чырвонай Зоркі і Айчыннай вайны, падзяцы Сталіна за баі з японцамі... Пашчыравала яна і ў футровым аб’яднанні. Ад калектыву БелФА і зараз атрымлівае віншаванні са святамі, падарункі. Часта наведвае Паліну Фёдараўну і адказны сакратар раённага савета ветэранаў, ветэран журналістыкі Пётр Шутаў, які доўгі час быў галоўным рэдактарам раёнкі “Новы дзень”. Прынамсі, Пятро Піліпавіч сустрэў мяне на вакзале і прывёў у дом гераіні. Аказалася, што і раённы савет ветэранаў у адным з яго пад’ездаў. “Гэта жанчына — гонар нашай арганізацыі”, — сказаў мне Шутаў.

...Яна не любіць сучасныя фільмы пра вайну, з прыпудранымі і апранутымі з іголачкі гераінямі. Праўдзівай Паліна Фёдараўна лічыць карціну “А зоры тут ціхія”...

Кантузія дала пра сябе ведаць, калі ёй было сорак. Сталі калаціцца рукі, ды так, што есці лыжкай немагчыма. А пасля страты старэйшага сына Віктара пяць гадоў таму рэзка пагоршыўся зрок. Згадваючы сваё дзіця, Фёдараўна горка плача. Ёсць у яе яшчэ адзін сын, Юра. Таксама ўжо пенсіянер, ён памочнік і дарадца маці. А яшчэ яна шчаслівая тым, што мае пяць унукаў і пяць праўнукаў...

У ходзе гутаркі я адчула, што рэжым сакрэтнасці для яе, былой радысткі, жалезнае правіла. “Я з гэтым рэжымам сакрэтнасці і зараз живу”, — сказала мая гераіня. (Таму, напэўна, і сваіх пазыўных не назвала...) “Калі са мной падзяліўся чалавек сваім перажытым, нікому не перакажу. Са мной гэта застаецца” — прызналася Паліна Фёдараўна.

Лёсай зорныя імгненні

Шлях да мары

Я запісала яе жыццёвую споведзь — адзінай на сёння на Жлобіншчыне ўдзельніцы Курскай бітвы:

— 3 вёскі Акцябра я, сем кіламетраў ад Жлобіна. Нарадзілася ў 1922-м. Сям'я наша вялікая, 10 дзяцей было. Праўда, толькі сямёра ўцалелі. Прычым, бацька забраў яшчэ гадаваць і свайго пляменніка, бо пасля смерці маці ён не спатрэбіўся свайму бацьку.

Я марыла стаць аграномам. Мы з сяброўкай Аляксандрай Шашковай удваіх пешшу рушылі да Рагачова, каб паступіць пасля сямігодкі. Адзнакі ў мяне добрыя былі, троек не мела. Зірнуў старшыня камісіі ў дакументы: “О, ды тут і экзамены здаваць не трэба!” А калі я да парога дайшла, ён сказаў:

— Зарэцкая, спыніцеся на хвілінку. Ваш бацька ў калгасе?”

— Не.

— Забірайце дакументы.

Пасля такой размовы і сяброўка мая не захацела заставацца адна на вучобе, паступіла яна ў медвучылішча.

Брат мой старэйшы працаваў прарабам у Усходнім Казахстане. Прыехаў ён у водпуск. Пабачыў мяне, заплаканую, і сказаў, што забярэ да сябе.

— Мой сыноч, калі ты яе забярэш, то ў мяне кавалак з роту возьмеш, — гаварыў бацька. — Яна ж у мяне і араты, і жняя.

Безумоўна, я шмат працавала, бо маці займалася малодшымі дзецьмі. Але бацька не загубіў маёй надзеі, паабяцаў брату: “Калі бульбу пакапаем, я яе адпраўлю да цябе, сыноч.”

Мне йшоў 17 год. Тут, на чыгуначнай станцыі ў Жлобіне, я ўпершыню села ў цягнік. Мама праводзіла і сказала: “Можа, жыць будзеш дзесьці далёка, сюды не вернешся. Можа замуж выйдзеш на свеце, то падавіся, дачушка, адным кавалкам”. Шчыра кажучы, 60 гадоў і давілася. Выйшла замуж не па каханню. Проста як сірату пашкадавала яго...

Дык вось ад Жлобіна да Масквы, ад расійскай сталіцы да Алма-Аты, затым яшчэ паўсутак шляху. Выйшла на станцыі, і аказалася, што яшчэ 17 кіламетраў мне пяшком топаць. Стары чыгуначнік сказаў услед са спачуваннем: “Дзіця, тут у нас ваўкі чырвоныя гойсаюць, на людзей нападаюць”. А як жа мне не йсці ?

Бойкая я была, ведама, шостая нарадзілася па ліку, між хлопцаў. Так што ў адной асобе і дзеўка, і мужык. Прыйшла, адшукала братаў будаўнічы ўчастак. Калі пабачыла Пецю, волю слязам дала.

Ён мяне адразу ўладкаваў у дзесяцігодку, там яе скончыла. Потым брата перавялі ў Сібір, у горад Рубцоўск галоўным інжынерам на будаўніцтва новага завода.

Прыехалі мы туды. Вайна ўжо пачалася. Брат кажа: “Адукацыю ты атрымала, так што будзеш капіроўшчыцай дакументаў”. А я яму ў адказ, што не хачу на гэту работу, мару за станком працаваць.

Тамара Кручэнка

— Ты што, мяне асароміць хочаш? Сястра галоўнага інжынера на рабочай пасадзе...

Свайго я дабілася. Пайшла ў цэх, тры месяцы адвучылася і стала токаркам 3-га разраду. Усё ў мяне выдатна атрымлівалася, любіла я станкі. Гэта было ў канцы 1941-га.

5 мая 1942 года прыйшоў у цэх афіцэр з ваенкамата. А ў нас толькі жанчыны адны працуюць. Пацікавіўся ён, ці ёсць у каго сярэдняя адукацыя. Толькі ў мяне адной і была яна. Ваенны падыйшоў, стаў размаўляць са мной і ўлавіў акцэнт гаворкі.

— Ну что, белоруска, пойдешь Родину защищать?

— Пойду, хоть сейчас.

Назаўтра я ўжо ехала ў цягніку ў Барнаул, у школу сувязі. Тры месяцы адвучылася — і ў часць.

Першае баявое хрышчэнне — на Курскай дузе. Трапіла я ў такое вогнішча, у такую жорсткую сутычку двух бакоў, якія быццам адчулі, што менавіта тут вырашаецца ход вайны. Скрэжат жалеза, грохат, выстралы танкаў ва ўпор, разарваная браня... Такого адчайнага супраціўлення больш не было, і сапраўды тут быў пералом вайны, стратэгічная ініцыятыва перайшла да нашых.

Ніколі не забуду, як полк сібірскай дывізіі пайшоў у бой. 3 тысячы хлопцаў вярнуліся толькі каля дваццаці. Уяўляеце? Я плакала так, што не перадаць. Быццам кожнага аплакаць хацела. Ссівелі да валасінкі ў той дзень.

Начальнік штаба Іван Фёдаравіч Маркін прыйшоў, пабачыў маё галашэнне. (Яго жонка і сын загінулі ў першыя дні вайны на Брэстчыне. І старэйшы сын, афіцэр, таксама. Адзін Фёдаравіч застаўся).

— Зарэцкая, чаго соплі распусціла?! — сурова звярнуўся да мяне.

— Паглядзіце, колькі хлопцаў палягло...

— Яшчэ не гэта пабачыш. Каб я тваіх слёз больш ніколі... Разумееш, ніколі! Беларусы не плачуць.

І ведаеце, потым за тры з паловай гады вайны каб дзе слязіна!

Раіў Маркін ніякіх раманаў не заводзіць на фронце. Казаў: “Калі цяжарнай станеш, з арміі дэмабілізуюць. Куды пойдзеш? Зямля наша беларуская акупіравана. Што, будзеш міласціну прасіць?”

У разведку хадзіла, хлопцы вакол. А я адно ведаю — галоўную задачу: своечасова і дакладна перадаць разведдадзеныя камандаванню. І хлопцы заўжды хацелі, каб я з імі ў разведку кіравала. Казалі, што чорту хрыбет зламаю. Такая баявая была. Але калі хто з іх спрабаваў наблізіцца бліжэй дазволенага, кухталя такога атрымліваў. Таму іншыя кідалі ў мой бок: “Она ненормальная. Если попробуешь обнять — в морду даст!”

З Курскай дугі частка нашых пайшла на вызваленне Харкава, а мы ў бок Смаленска. Пад гэтым горадам кантузіла мяне. Павязло: рацыя ўратавала. Асколак у яшчык даў. Калі б у спіну... У санбат хлопцы

Лёсаў зорныя імгненні

прыцеглі мяне, на мужыка падобную. Стрыжаная коратка, у штанах. Толькі голас жаночы...

Спадніцу ведаеце якую я мела? На рэчмяшок падобную, з распоркамі ўнізе. Абутак замест 38-га памеру — 40-ы. І мужчынская гімнасцёрка. А харчаваліся як? Бывала, кухня раз у тыдзень. Сухары праносіш у кішэні, а пад дажджом яны ў месіва ператворацца. З'ясі, і далей, наперад. Ніхто ні на што не скардзіўся. А колькі разоў ногі адмярзалі? Пазногці не растуць і зараз...

На Смаленшчыне такое гора бачыла, такія пакуты мацярынскія. Фрыцы-сволачы! Я іх ненавіжу. Не-на-ві-жу! Столькі гадоў прайшло, а гэтая нянавісць запаўняе донца майго сэрца. Не магу яе пазбавіцца, не хачу. Яны дзетак, зусім немаўлятак яшчэ, трохмесячных, ад мацярок адрывалі і ў калодзежы кідалі. Ці ж гэта людзі?

У 70-я гады цяпер ужо мінулага веку давялося мне ўпершыню пасля вайны на Піскароўскім мемарыяле сустрэць іх, здаравякоў, у шортах, ахвяруючых грошы каля помніка. Побач са мной быў наш ветэран-падпалкоўнік. Сказала яму: “Калі б мне аўтамат далі, я б іх тут перакасіла да аднаго, рука б не ўздрыгнула. Яны амаль усіх нас, беларусаў, знішчылі”.

У польскім горадзе Лодзь Перамогу сустрэла. Ды 25 чэрвеня 1945 года прывезлі нас на Далёкі Ўсход. І пачалася для мяне яшчэ адна вайна. У складзе марской пяхоты вызваляла Порт-Артур і порт Дальні. А на Камчатцы стрэла яго, растоўскага Калашнікава, праслужылі ўдваіх да 1962 года. Чатыры разы сям'ёй Ціхі акіян пераплывалі. Ва Уладзівастоку я тэхнікум сувязі скончыла... Калі муж пабачыў маю Бацькаўшчыну, то пажадаў пасля дэмабілізацыі толькі ў Жлобін. Тут ён і пахаваны...

Вайна, праклятая, маю маладосць забрала. Але я шчыра ганаруся тым, што была на фронце, абараняла сваю Радзіму.

Дом на днепровской круче

Ах, как чуден Днепр в июльские деньки! Окаймленный сочной зеленью лугов и ив, он несет свои воды, как и сотни лет назад. На высоком днепровском берегу в Лоеве, на улице Акуционка, во дворе дома №10 я записала монологи о пережитом участника освобождения Лоевщины от немецко-фашистских захватчиков Петра Алексеевича Сусло, аккуратно накануне его 90-летия. Дочь юбиляра Валентина, с которой мы знакомы давно, хлопотала в отцовском доме, готовилась встречать гостей — сестру Веру, сотрудника милиции из Светлогорска, а также братьев Александра, преподавателя Лоевского педколледжа, Петра, главного металлурга завода литья и нормалей из Гомеля, и, конечно, племянников с детьми.

— Мы намеревались праздновать юбилей в кафе, — поделилась Валентина, но отец настоял: дома!

— А для чего я дом строил? — сказал Петр Алексеевич. — Не хочу никуда идти, слабый я уже ходун. Соберемся все здесь, по-семейному.

Ну, а пожелания юбиляра — закон для всех детей и их семей.

Начало войны

В предвоенное время я работал на водном транспорте, был матросом парохода «Марксист». Мы находились в Жлобине, стояли на погрузке угля. И тут налетели немецкие самолеты, бомбежка жуткая началась. Был большой страх. Неожиданно, спонтанно ворвалась в мирные будни война. Нашу команду направили на отлов диверсантов на железнодорожную станцию. Задачу мы выполнили. Потом погрузилась на «Марксист» военная часть — человек 60, двинулись вверх по Днепру к Могилеву. А к нему тоже уже подходил враг. Бомбежка, паника. Чуть выше моста сделали стоянку, и здесь военные сошли. Спустя какое-то время нам вновь приказ — срочно по Днепру к Жлобину. Добрались до Речицы, а там вся пристань заполнена людьми. Беженцы в панике двинули на наш пароход. Уже, кстати, были беженцы из Бреста, причем, и подростки без родителей, без документов. Все это не лучшим образом отражалось и на настроении нашей команды.

Самолеты со свастикой пикировали над пароходом, правда, еще не бомбили. Дошли до Лоева. А тут получили команду срочно двигаться к Киеву. Мы тянули может десяток барж с людьми, да и на пароходе были беженцы. В Киеве разгрузились и держали оборону что-то около месяца. А потом когда немец подступил, нам дали задачу прорываться по Днепру. Помнится, как добрались мы к Кременчугу. Войска пропускали на правый берег, а беженцев нет. Фриц бомбит, строчит из пулеметов. Три дня мы простояли, а потом загрузились народным ополчением и стали пробиваться ниже Кременчуга километров на семь. Там был затон. Забрали раненых. Немец уже бил прямой наводкой по пароходу...

Лёсаї зорныя ігнённі

Раненых было множество. Мы спрашивали у начальства: это фронт или просто вражеский десант. Длительное время правду не говорили. Вражеские войска уже вплотную подошли к Кременчугу и обстреливали его с бронепоезда. Мы сделали рейс с ранеными, а наутро вновь загрузились народным ополчением. Часов в девять фриц начал артобстрел и разбил наш пароход.

Мы соскочили на берег. К вечеру немцы подошли к Днепру и то народное ополчение — парней, девушек... Мы слышали их душераздирающие крики. Что там происходило, видеть не могли — были в лесоскладе. Он наката в три-четыре, так что под теми бревнами и спаслись.

А потом военкомат вывесил объявление: водникам явиться в Кременчуг. Распределили нас по пароходам. Их там много было. А вот полных команд уже не имелось. Человека по три только. Видимо, была затея спасти технику. С полмесяца мы ее охраняли, по ночам пытались прорваться, но ничего не получалось.

Когда фриц взял Полтаву, мы, водники, в гражданской одежде, стали добираться домой. И я тоже. Наше село Сусловка Репкинського района Черниговської області уже было оккупировано. И родители, увидев меня, не сильно обрадовались: боялись угона в Германию. Мне шел 18-й год. Пришлось скрываться.

Фронтowej связист

В 1943-м был призван полевым военкоматом. В районе Добрянки нас готовили к форсированию Днепра. Меня определили наводчиком в артиллерию на 45-ти миллиметровую пушку. Однако воевать на 45-тке мне не пришлось. Помню, выстроили нас на плацу и стали отбирать, кого куда. Я стоял молча. И когда спросили, кто связисты, выпалил: я! (Доводилось мне на гражданке иногда подменять брата, работавшего у водников). А тут со мной был еще друг один деревенский, так я и его сосватал в связисты.

15 октября наш полк одним батальоном форсировал Днепр у Лоева и вел тяжелые бои. Мы были в это время еще на левой стороне. После того, как райцентр освободили, нас ночью переправили через реку, и прямо за Лоевом мы вступили в бой. Потом было очень активное наступление. В день по 4-5 раз поднимались в атаку, старались расширить плацдарм. В течение двух недель прошли 25 километров, до Михалевки. Еще не освобождены были Колпень, Козероги, а изгнали оккупантов из Громык, Мохова. В михалевском лесу мы стояли с месяц, — подтягивали войска, приводили в готовность после форсирования.

Спустя две недели стали наступать, двигались на Ястребку, Уборки. И отрезали Козероги, Колпень — самую передовую оборону противника. Освободили Малиновку, Удалевку. Кстати, в удалевском лесу была Роща смерти. Там такая бойня была! А я все время на передовой, под самым обстрелом.

Тамара Крученка

С боями дошли до Вышемира Речицкого района. И тут у него сильный укрепительный рубеж. По 5-6 атак в день делали, и фриц отбивал. Много тут хлопцев черниговских полегло... Позднее стало известно, что на этом направлении дезинформируем противника о готовящемся наступлении.

После речицкой земли двигались в Октябрьский район. Попали мы в окружение в деревне Заболотье, две недели не могли прорваться. Фриц включил репродукторы, орал на весь лес: «Рус, сдавайсь, вы окружены...» В упор стояли их танки. Но бог миловал: нашли ребята брод длиной с километр. И, представляете, по пояс в январской топи, вышли мы, живая сила. Технику сожгли.

В районе Шатилок фронт остановился. Нас посадили в вагоны и в Киев. Корпус перебросили на 1-й Украинский фронт. Освобождали Ровно, Грохов...

Берега, берега...

Вислу форсировал. Наверное, слышали о Сандомирском плацдарме. Так вот я был на Аннопольском. Когда Сандомирский готовился к наступлению, на Аннопольском мы дражили фрица. Форсировали Вислу, заняли оборону на 12 километров, а в тыл — лишь 800 метров от реки. Немцы на горе, а мы внизу, причем так, что и окопаться нельзя. Месяц его продержали. А потом была нам команда отступить. Так кто плавать умел — спасся, а кто нет.... Я же лет с трех плавать научился на Днепре...

На ходу, на марше, нас пополнили, и — на занятый Сандомирский плацдарм. Начиналась Берлинская операция. Танки как двинули километров на 70, в несколько рядов. Тут уже топать не пришлось: посадили на машины, чтобы могли догнать передовые части. Часто получалось, что мы впереди идем, а немцы сзади, то наоборот. Такая вот смешанная война, как партизанская.

Не забуду, как колонной въехали в какое-то немецкое село. Рассвет только забрезжил. А из одного дома они фугасами по трем машинам нашим. Мы — сиганули, и в наступление на то село. Заходим в дома, а немцы целыми семьями в обморок падают. Никак они не могли представить, что русские войдут в Германию. Так обработала их гебельсовская пропаганда.

Петр Сусло освобождал и Прагу, потом отдыхал целый месяц в этом очаровательном городе. Но демобилизоваться была не судьба. Когда конным ходом добрался с ребятами до Львова, ему поступила команда продолжить службу в правительственном батальоне войск связи. Находясь в Виннице, обслуживал связь Москва-Берлин. Потом довелось охранять объекты от бандеровцев в Житомире, позднее служить в Киеве. Все время в движении. И лишь когда родные вызвали на похороны брата, Петру подсказали, что он давно вправе демобилизоваться. Написал письмо Михаилу Калинин. В 1947-м возвратился в родную Сусловку. Родители в землянке жили, половина ее в земле находилась.

Лёсай зорныя імгненні

Но все юноше было нипочем, потому что позади война, впереди — мирная жизнь. Петр женился, и когда встал вопрос о строительстве дома, решил осесть в Лоеве. Нравился ему горпоселок. Сюда еще в раннем детстве добирался по паромной переправе в церковь и на базар.

В 1955 году построил бывший связист дом на днепровской круче, каб бы соединив в своей судьбе два берега великой славянской реки. Зачастую ездил с супругой в родную Суловку.

— Кто бы мог подумать, что спустя десятилетия после Победы по фарватеру Днепра, который форсировали ценой стольких жизней, проляжет государственная граница с Украиной!? — в сердцах говорит ветеран, сидя у куста смородины, глядя в сторону малой родины. Вспоминает, как работал в послевоенное время в Лоеве заведующим складом в “Заготзерно”, затем — в системе торговли: заведующим хозяйственным магазином, универмагом, общепитом, исполнял обязанности начальника отдела комплектации строительной организации. А выйдя на заслуженный отдых в 1983-м, подрабатывал сторожем.. И при этом у него, отменного хозяина, всегда были ухоженная пасека, сад, огород, живность в сараях...

С юбилеем, Петр Алексеевич! Уверена, что в два ваших юбилея (и фактический, и по паспорту) вы услышали немало теплых слов и тостов в свой адрес. Живите долго в окружении родных, радуйте всех своим присутствием. Вы счастливый человек: на ваших глазах выросли 6 внуков, пришли в этот мир 5 правнучек! А девчонки рождаются к миру, Солдат!

А мы такие молодые...

Она видела Зою Космодемьянскую, брала важных немецких «языков», а в послевоенное время работала в Минске секретарем в приемной самого Василия Ивановича Козлова.

Гомельчанке Юлии Георгиевне Кутас-Холоповой, участнице партизанских отрядов «Митя» и «Славный» исполнилось 90 лет.

— Падай, — скомандовал четырехлетний правнук Рафаэль, и Юлия Георгиевна выполняет команду малыша. А тот звонко хохочет, попадая с игрушечным пистолетом в плен — в объятия прабабушки. Глядя на эту трогательную сцену, попросила Юлию Георгиевну рассказать о пережитом ей, участницей известных в истории Великой Отечественной войны отрядов.

... Не думала и не гадала она, школьница-выпускница из деревушки Волынцы, что на Кормянской, что грянет война и своей безжалостной колесницей прокатится по ее судьбе. Десять классов Юлия заканчивала в Березяцкой школе на соседней Могилевщине. Только-только отгуляли выпускной вечер, не успели отоспаться, как услышали страшную весть о начале Великой Отечественной.

— Секретарь Кормянского райкома комсомола Николай Рытиков сообщил, что есть указание свыше организовать в отряд и уйти в лес. Задача такая: уничтожать коммуникации, препятствовать продвижению врага, — рассказывает моя собеседница.

А в разведку она впервые пошла на соседней Брянщине, в оккупированной Злынке. Здесь делами заправляли немец-бургомистр и более двух десятков местных полицаев. Задача перед Юлией Холоповой стояла разведать, где располагается все это отребье. В городке были маслозавод и еще одно предприятие, перерабатывавшее мед. Вся продукция направлялась на подкрепление солдат рейха.

Юлия установила место дислокации бургомистра и его прихвостней, но вот незадача: на обратном пути девушка заблудилась. Пришлось заночевать в лесу. А чуть рассвело, она прошла вперед и нашла нужную тропинку. Группа обрадовалась, что Холопова смогла выполнить задачу, хотя и немало напугала всех тем, что задержалась.

— После разгрома гарнизона в Злынке мы получили указание двигаться вперед — в брянских лесах высадился отряд Дмитрия Медведева. Мы шли ему навстречу и влились в его ряды, — делится Юлия Георгиевна. — Зима сорок первого была невероятно морозной, все мы были измотаны рейдами, одежда на нас истрепана. Отозвали в Москву. Привезли нас на вокзал столицы. Потом была помывка в одной из центральных бань. Вышли мы, и парней не узнали, а они нас. После парикмахерской ребята буквально помолодели. Отправились они в одну из разведшкол под Москвой.

Юлию и еще двух девчонок — Таню Соломонову и Катю Трескову

Лёсаў зорныя імгненні

вызвали в горком партии и предложили продолжить учебу в диверсионной школе, которая располагалась в столице на ул. Красноказарменной. Таня, правда, сошла с дистанции — она заболела, срочно потребовалась операция. (Рассказывая о своих подругах, Юлия Георгиевна не стесняется слез: сейчас в живых только она). Именно в этот период учебы и видела Холопова Зою Космодемьянскую: стройную, симпатичную, которой впоследствии суждено было стать примером мужества и стойкости даже для выдавших виды мужчин.

— Спустя полгода учебы, в июне 1942-го нас выбросили под Чаусами на Могилевщине. Наша группа была в составе отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН). Тут мы встретили и отряд «Четвертый». Задача стояла перед всеми взять генерала, который двигался по территории Краснопольского района в ставку Гитлера с очень важными документами. Как теперь помню: посоветовались и решили, что наша группа заляжет на кладбище. А «Четвертый» пойдет с другой стороны села, откуда немцы будут въезжать. Так вот пока чекисты двигались в ту сторону, немцы оказались в деревне. Я лежу на холмике чьей-то могилы, и слышу: у-у-у-у. Думала, самолеты в небе. Да нет же — колонна вражеская уже у кладбища. Два мотоциклиста впереди, за ними легковушка с генералом и грузовик с охраной. А нас 10 человек. Командир группы скомандовал: «гранаты под машины, автоматные очереди — и отходить!» А до леса метров четыреста. Бегу, и слышу как пули дзинь-дзинь-дзинь. На этом отрезке пути и погибли наши пулеметчик и радист. Я слышала собачий лай вдогонку, но из последних сил успела вбежать в сосонник. Слава Богу, в лес они не решились сунуться. Зато в самой деревне продолжился бой уже с «Четвертым».

Много жертв было с двух сторон. Мы с подругой пытались спасти нашего командира Павла Кочуевского, тяжело раненного в живот везли его на телеге в ближайшее село за 7 километров. Не успели — скончался от перитонита. Похоронили Павла в Кляпине, недалеко от моих родных Волынцев. Там памятник ему установлен.

Юлия Георгиевна вспоминает и многие другие эпизоды своей дерзновенной юности, связанные уже с отрядом «Славный», в который группа влилась снова на Брянщине. До завершения войны она работала в этом славном своими делами отряде, которым командовал Анатолий Шестаков, за поимку которого немцы обещали 40 тысяч марок.

— Это был очень добрый человек, с мягким характером. Он буквально оплакивал каждого погибшего бойца. Его все уважали у нас — делится бывшая разведчица. — А вот про Медведева я бы сказала, что это железная рука...

Юлия Георгиевна напомнила, что в Гомеле живет еще один участник «Славного» — Алексей Пиманов (о нем рассказывала наша газета-авт.) и с волнением раскрыла книгу под названием «Юность уходит в бой», изданную в Москве в 1978 году в серии «Военные мемуары». Ее

Тамара Крученка

автор — врач отряда «Славный», хирург Илья Давыдов. На странице 215 есть строка и о моей героине: «Разные судьбы, разные дороги приводили девушек в наш отряд. Уже опытными партизанками были в «Славном» Паша Лемтюгова и Юля Холопова».

После окончания войны, получив справку МГБ об участии в деятельности разведывательно-диверсионных групп и денег, как говорится, на первый случай, Холопова отправилась в райцентр Узда на Минщине, участвовала в формировании суда. Потом была учеба в партийной школе в Дроздах и работа секретарем в приемной известного партийного и государственного деятеля Василия Козлова. Когда Юлии поступило предложение стать секретарем уголовного розыска в министерстве внутренних дел, она не согласилась. Пошла учиться в профсоюзную школу, была освобожденным председателем тогдашнего местного столичного главпочтамта.

В то время на родине оставалась больная 80-летняя мама, и Холопова решила вернуться из Минска на Гомельщину. Юлия Георгиевна окончила медицинское училище, 32 года отработала в психиатрической больнице. Рано овдовев, она одна воспитывала дочь Эдиту, привила ей интерес к медицине.

Выйдя на заслуженный отдых, бывалая разведчица не усидела дома, еще 10-летие заведовала фельдшерско-акушерским пунктом в Контакузовке Гомельского района. Купила дом в деревне, обзавелась хозяйством.

— Мама уже с этой февральской поры обычно в деревню устремляется, — говорит Эдита. — Еще недавно настаивала, чтобы мы снова живность завели. Молодец, бодрится, не раскисает.

— А мне моя физическая деревенская закалка, труд и помогли выстоять во всех военных схватках, — говорит юбилярша. — В школу я ходила за 10 километров от дома, в любую погоду. Трудилась и на огороде, и в поле, — хотелось маме помочь. Если б здоровье сейчас позволяло, я б еще с таким удовольствием на земле поработала!

Юлия Георгиевна хорошо выглядит и в 90, и действительно впечатляет своим светлым умом, обаятельной скромностью, абсолютным отсутствием желания хвастаться своими наградами. Как участник Великой Отечественной она имеет орден Красной Звезды и множество медалей, а за добросовестный труд в больнице — Грамоту Верховного Совета БССР. Главной наградой судьбы эта женщина считает счастье видеть успехи внучек (Рената — капитан милиции, Лариса работает на кафедре психиатрии в медуниверситете) и возможность «повоевать» с правнуком.

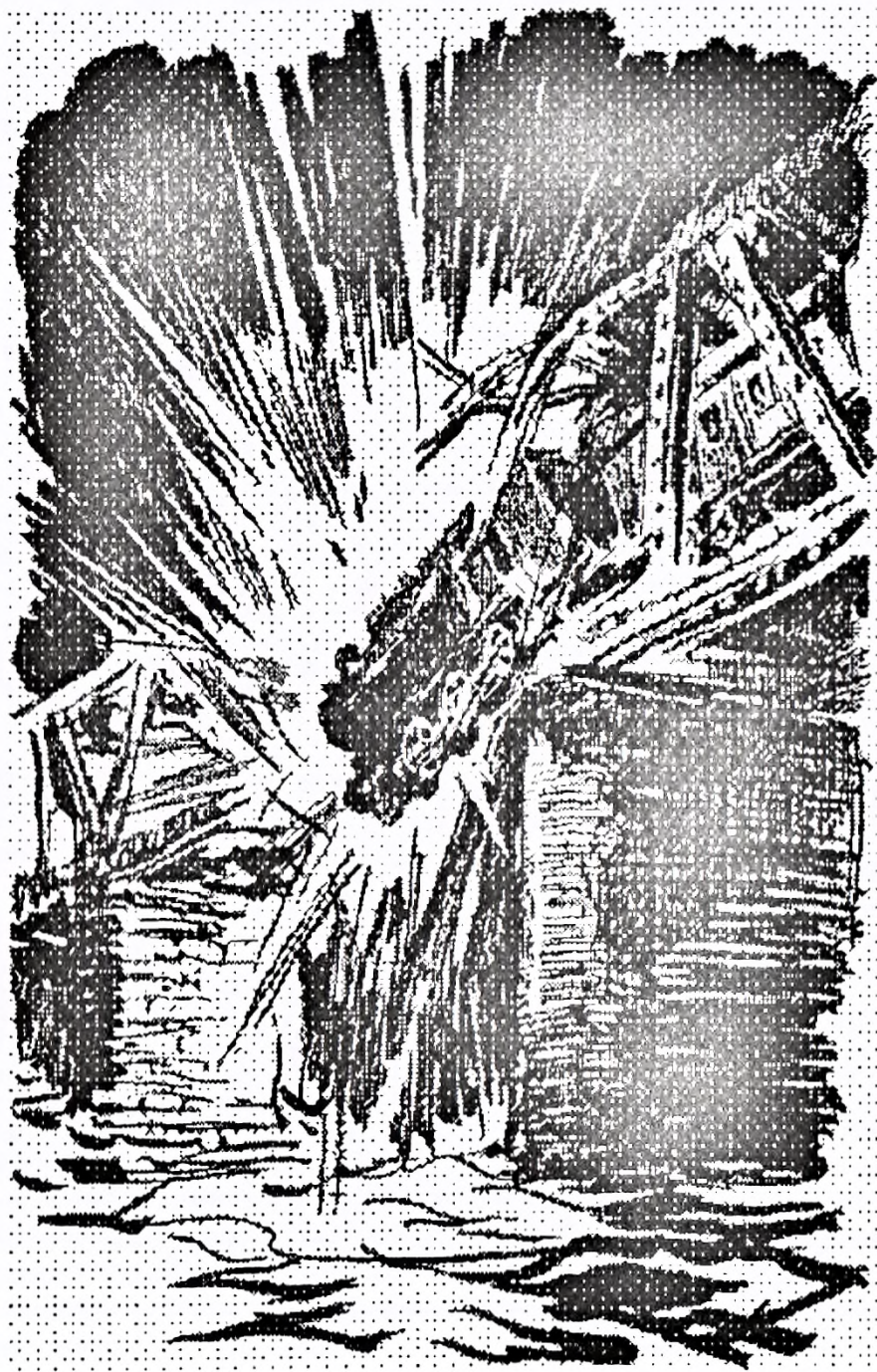
С юбилеем, Юлия Георгиевна!

Наша справка:

Юлия Георгиевна Холопова в период Великой Отечественной войны с 15 ноября 1941 по 10 января 1942 года служила партизанкой пар-

Лёсаў зорныя імгненні

тизанского отряда «Митя» действовавшего под командованием Героя Советского Союза Д. Н. Медведева, а с 5 июня 1942 по 1 мая 1944 года — партизанкой партизанского отряда «Славный». Указанные отряды действовали в тылу противника на временно оккупированной территории Брянской, Смоленской областей и Белорусской ССР.

Спасибо тебе, сестричка!

Наталья Майорова трудилась медсестрой в госпиталях осажденного Ленинграда. И мужа своего излечила после ранений, получив его колоритную фамилию Карась. Словно в отблагодарение за спасенные жизни солдат и командиров судьба благоволит ей все эти годы после войны.

В преддверии юбилейной даты — 70-летия полного освобождения советскими войсками города на Неве от блокады его немецко-фашистскими войсками, в свои девяносто один Наталья Ивановна остается миловидной, обаятельной бабушкой и по-прежнему спешит поддерживать своих подружек, многие из которых гораздо моложе ее.

— Я сама себе удивляюсь, что только гипертонию получила в наследство от пережитого в блокадном городе, — делится женщина. — Со всеми домашними заботами управляюсь сама. Единственное, что периодически прошу сделать сына — вкрутить лампочки.

Вот это закалка, вот это поколение!..

... В предвоенное время ее отец служил в Белорусском военном округе. Натка родилась в Борисове, но буквально в трехмесячном возрасте совершила с родителями первый переезд на новое место службы отца в Речицу. Потом были Новозыбков, снова Речица. Пять школ сменила дочь военного, и только в российском Калининe удалось завершить «школьные годы чудесные».

В 1940 году Наташа Майорова поступила в Ленинградский политехнический институт на энергوماшиностроительный факультет, мечтала стать инженером. Но лишь один год отучилась, все планы прервала война. Девушка обращалась в военкомат с просьбой взять на фронт, — только бы не находиться в институтском общежитии и не слушать вой сирен, артиллерийскую канонаду. На фронт не взяли. Раз пять направляли на строительство дзотов под Ленинград. А потом — на двухмесячные курсы медсестер при военной академии. Когда кольцо блокады совсем сузилось, госпитали разместили в учебных заведениях города. Наташе довелось трудиться в двух из них, выхаживать раненых.

Вот что вспоминает сегодня об этом сложнейшем периоде своей жизни Наталья Ивановна.

Город теней

Труднее всего было с конца 1941 года на начало 1942-го. Не стало воды и света. Мы работали с коптилочками. Делали их в форме рюмочки из мази «политань» (она применялась против вшей), внутри фитилек из бинта зажигали. Помнится, наша аптекарша была в недоумении: почему берем столько этой мази? Но ведь в темноте работать не будешь!

Помнится, в преддверии нового 1942 года нам выдали по крохотному кусочку хорошей колбасы — «московской». Вкус ее не забывается. А в начале 1942-го подали горячую воду на 2 часа: мы вымыли раненых и сами вымылись. И это тоже был праздник.

Лёсаў зорныя імгненні

Конечно, с ситуацией в самом городе мы меньше соприкасались, потому что все время в госпитале. Но несколько раз мне довелось ходить на квартиру своей сестры, которая эвакуировалась, и я была в шоке от увиденного. Ленинград был городом теней. Люди передвигались словно в замедленной кинопленке. Мороз жгучий. Застывшие в пути трамваи, троллейбусы. И у меня были такие мысли: почему немцы не могут взять такой пустой умирающий город? А ведь им не по зубам оказалась наша зима!

Госпитали в основном и обеспечивали фронт. Раненые, подлечившись, денечка лишнего не задерживались. «Я уже здоров, хожу нормально. Пустите, наша часть там сражается, а я тут залежался» — вот такая лексика наших красноармейцев тех дней. Разве их можно забыть, тех ребят?

Сашка

В палате истощенных лежал Сашка. Он умирал, ему трудно было дышать. Периодически звал меня, чтобы приподняла его, подержала голову повыше. И как-то говорит: — Ты думаешь, что я лежу тут и не помогаю фронту? Я помогаю!

— Как ты, Сашка, помогаешь? — спросила я.

— Вот с этой койки, что рядом с моей, трое ребят пошли на фронт, благодаря мне. Хлеб дополнительный, который получал, и шоколад, я им отдавал...

Сашка умер у меня на руках.

Рома Джус

Красноармеец со столь звучным именем умирал в соседней палате. Но он так стремился выжить, и так изводил медсестер! Мол, не те ему таблетки дают, не те уколы. Причем, затребовал, чтобы внутривенные уколы делала ему я, хотя я не с этого сестринского поста. Вскоре вывел своими придирками и меня. Вышла за дверь, разревелась... Раненые ребята ему выговорили: «Ну, что же ты, и Наташу не щадишь!»

Он все же стал на ноги, и случилось это исключительно благодаря тому, что в нем была сила жизни. Так что вскоре Рома смог самостоятельно выйти на коридор и увидеть сестринский труд, что мы постоянно бегаем по палатам, оказываем помощь. Расчувствовался: «Ой, девочки, вы же так трудитесь, а я над вами издевался. Давайте буду помогать разносить лекарства...» На фронт он уже не попал, направили его в тыл.

Знакомство с мужем

В 1944 году я работала в госпитале, размещавшемся в одной из школ Ленинграда. Прибыл к нам раненый в обе ноги и в руку красноармеец. Гипс ему наложили, а вот с перевязанной руки все время спадал бинт. Зовет меня этот боец: «Сестра, перевяжи!» А другие подсказывают ему, что зовут меня Наташей.

Тамара Кругинка

В минуты передышки, когда к нам не поступали тяжелораненные, он подсаживался к нам на пост и пел под гитару. Был он упрямый в одном: упорно не хотел, чтобы перевязки делали постиранными бинтами, только исключительно новыми. Периодически от начальника отделения госпиталя Анны Семеновны, крупной женщины, я слышала: «Наташа, твой Карась опять бинтоваться не хочет!» На что я отвечала: «Он такой же мой, как и ваш!»

А в январе 1945 года наш госпиталь поехал на фронт, и мы договорились встретиться в Ленинграде после войны.

Под Варшавой

Эвакогоспиталь наш располагался в поселке Рембертов под Варшавой. Специализировались на ранениях в руки и ноги. Так что к счастью, не довелось выхаживать раненых в живот и грудь. Но трудностей и у нас хватало. Бывало, зовет на помощь раненый: «Нога под гипсом разрывается!» Не однажды в отсутствие врача приходилось брать решение на себя: вырезала окошечко в гипсе над раной. Сразу наступало облегчение...

Как-то с девчонками решили сходить в Варшаву. И знаете зачем? Чтобы разжиться бумагой и лампочками для госпиталя. Повезло, часовые нас пропустили в опустевший город, и мы нашли, что искали, в разбитых магазинчиках. Долго потом смеялись сами над собой: в Варшаве были, но ничего для себя лично не припасли...

В послевоенной жизни Наталья Ивановна повторила судьбу своих родителей — немало поездила, ведь вышла замуж за военного. Из Ленинграда ее мужа направили в Остров на Псковщине, потом снова вернулись в Ленинград (муж был на повышении квалификации), затем служба в Калининграде, Германии и Азербайджане.

— Мы как-то посчитали, так вышло, что более двух лет в одной точке не находились, — делится Наталья Ивановна. — С мужем мы прожили 35 лет. Он был очень обаятельный, у него греческие корни. А мои предки — смоляне.

В Германии

Как-то на мосту ко мне обратилась с вопросом немка. Я ей сказала, что плохо понимаю, ведь я русская. Тогда она с претензией ко мне: «Это вы на нас напали!» Пришлось провести исторический ликбез, объяснить, что наши войска находились на своей территории, когда они, фрицы, Польшу захватили и на нас пошли.

У Натальи Ивановны есть две дорогие для нее медали как подтверждение тому, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Медалью «За боевые заслуги» отмечен ее труд в госпиталях, а медаль «За трудовую доблесть» моя героиня получила на гомельском заводе РТО. В 50-летнем возрасте отучилась на курсах радиомонтажников и добилась высот в абсолютно новой для себя профессии.

Лёсаї зорныя імгненні

Ее сын Володя, в прошлом десантник, уже пенсионер, но Иванова с нескрываемой материнской нежностью говорит о нем и показывает фотографии его детства. Сегодня ее очень радуют успехи внука Андрея, талантливого компьютерщика. Вот только удавалось бы как можно чаще общаться с ним! Но бабушка не ворчит и не сетует на вызовы нового времени и юное поколение. Слушая ее, я не переставала восхищаться: столько пережить и уметь радоваться каждому дню, подаренному судьбой, любить и нести доброту другим. Земной поклон вам, Наталья Ивановна!

Тамара Кругэнка

Высота Степана Лысенко

Судьба этого человека связана с Гомелем и Домом коммуны. Здесь семья Лысенко получила квартиру еще до войны. Сколько раз на фронте снился артиллеристу и летчику родной город! И всегда воплощением его был дом, в котором семье вновь предоставили кров в 1953-м. Собственно, в двух шагах от «коммуны» живет участник Великой Отечественной войны Степан Лысенко и сегодня.

...Он — коренной гомельчанин, из деревни Титенки, что располагалась до войны на территории нынешнего сельмашевского микрорайона. Четверо братьев и пять сестер было в их семье. Отец Александр Федорович трудился маляром на вагоноремонтном заводе, а мама воспитывала детей, вела домашнее хозяйство.

Степану не было семнадцати, когда, получив семиклассное образование в школе №9, пришел в вагонное депо слесарем. А тут война.

— Заводчане вместе с предприятием эвакуировались в Россию. Я оказался в Уфе, работал там на заводе. Но позднее приехал отец и забрал меня в колхоз «Красный Восток», в Пономаревский район Чкаловской области, — вспоминает ветеран. — Трудился там до призыва в августе сорок второго, когда восемнадцать стукнуло. Помню, возился под трактором, устранял неисправность. И тут слышу отцовский голос: «Степан, читай». Я взял повестку: «20 августа явиться в райвоенкомат».

Мы же в эвакуации, ни кола, ни двора, ни приусадебного участка. Жили на квартире. Что с собой возьмешь? Председатель хозяйства был очень душевный мужик. Он мне рюкзак собрал в дорогу, всем селом провожали меня, единственного, на войну.

В течение трех месяцев проходил курс молодого бойца. В декабре 1942 года высадились под Воронежем. А затем Орловско-Курская дуга, три месяца в обороне.

Я был прикреплен к штабной роте и обеспечивал связь со 2-м дивизионом. 5 июня 1943 года. Нахожусь на НП, на передовой. Как обычно телефонная трубка у уха, на шнурке. Около полудня слышу зуммер, нажимаю гашетку и говорю в микрофон: «Орел» слушает!» Из штаба бригады передают сигнал: «Солнце полное». Сообщил командиру подразделения. Комдив дал команды каждому орудийному расчету. Наша артиллерия разных родов, «катюши» стали палить по немецким позициям. Часа два-три громыхало. Мы думали, что все, больше они не сунутся.

Но на следующий день с утра фашисты начали артподготовку, стали все крушить. Мы занимали высоту. Бой был тяжелым. Когда покидали свои позиции, два снаряда один за другим взорвались, и меня ранило в голову. После полевого госпиталя снова вернулся в свою часть. И еще в течение двух недель были мощные бои на Курской дуге. А потом мы как жиманули немца, как давленули его. И погнали!

Лёсай зорныя імгненні

Степан Лысенко участвовал в освобождении Орловской, Брянской и Черниговской областей. На Орловщине у села Золотое Дно получил второе ранение. Ветеран вспоминает, что освободив Чернигов, вышли в древнем Любече к Днепру. И форсировали объединяющую славян реку неподалеку от лоевских сел — Старой и Новой Лутавы. Днепр был кровавый...

— Эти деревушки трижды переходили из рук в руки. Чувствуя, что удержаться здесь уже не в состоянии, фрицы расправлялись с уцелевшим жильем, факельщики поджигали немногочисленные строения. Как только мы закрепились на плацдарме, двинулись на уничтожение лоевской группировки, а затем на Речицу. С этой стороны я и участвовал в освобождении Гомеля. Когда немцы поняли, что другие наши части отрезают их еще и со стороны Ветки-Хальча, и мы стараемся замкнуть «котел», стали покидать областной центр.

Впоследствии нашу часть сильно потрепало под Жлобином, на станции Мормаль. Жестокие бои были. Можете представить: по истечении светового дня мы только управились половину населенного пункта занять. И прекратили наступление. Нашу часть, которая была в резерве главного командования, снова направили на Речицу: для отдыха и пополнения техникой и людскими ресурсами.

И через небольшой промежуток времени наши сняли легкую и тяжелую артиллерию, зенитные установки и все на прямую наводку — бить вражеские танки. Помнится, мы с казахом Джумириным и украинцем Олейником тянули линию связи. И тут снаряд разрывается. Джумиринов убило, Олейника ранило в руку, а меня — в обе ноги. Переворачиваюсь на 180 градусов, снимаю валенок и теряю сознание. А Олейник приподнял меня себе на спину и вытащил с поля боя...

Степан Александрович, вспоминая боевых друзей, фронтовое братство, плачет. Извиняется передо мной за свою минутную слабость. Затем продолжает свой монолог.

После госпиталя его направили в Васильковское летное училище, под Киевом. Затем — 2-й Украинский фронт.

— На штурмовике Ил-2 летали бомбить и утюжить скопления вражеской техники на шоссе, по которому противник отступал из Праги, пытаясь вырваться из окружения. Надо было видеть, что мы там натворили! Одна эскадрилья отбомбилась, ей на смену другая, затем третья, четвертая...

Помню, доставили нас после полетов на аэродром вблизи Вены. И вдруг ночью слышим такую стрельбу. И по цепочке сообщение: «Война закончилась! Победа!» — не скрывает своих эмоций мой собеседник.

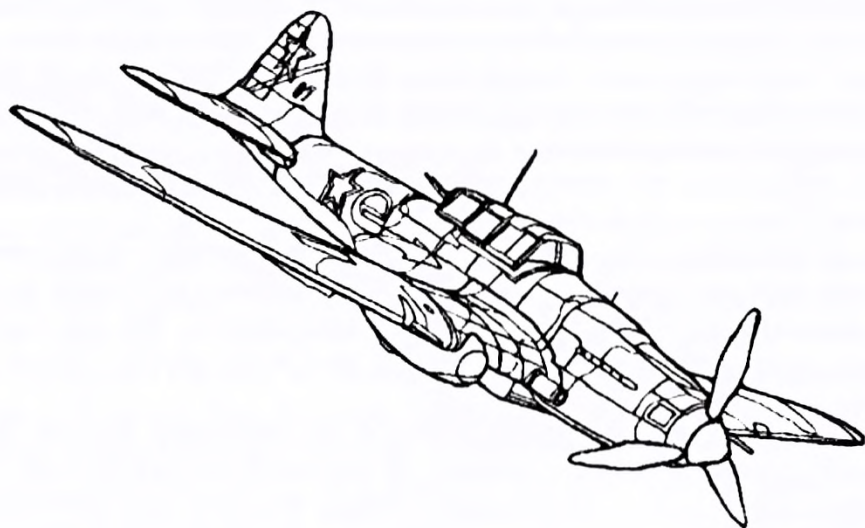
В октябре сорок пятого Степан Лысенко был уволен в запас. Добирался до Гомеля через Ужгород, Киев, Нежин. Когда ступил на понтонный мост, сердце сжалось от панорамы разбитого города. У него было две тысячи рублей в кармане и 45 талонов на продовольствие... Надо было заново начинать жизнь.

Тамара Кругэнка

Пошел на работу в вагонное депо. Там с будущей супругой своей познакомился, Марисей. Жила молодая семья на съемных квартирах. Перешел Степан на вагоноремонтный завод и получил 11 квадратов в любимой «коммуне». На ВРЗ образовалась лысенковская семейная династия: отец, сестры Надя и Мария, брат Володя тоже трудились здесь.

Степан Лысенко — Почетный железнодорожник СССР. Его, бригадира слесарей, а впоследствии старшего мастера, на предприятии не забывают. Воспитал немало толковых рабочих. Душевный, скромный человек, не кичащийся своими ветеранскими заслугами. Пережить эвакуацию, три ранения, переквалифицироваться из связиста в летчика и уцелеть на войне удалось далеко не каждому. Но Александрович такой жизнелюб! Он ценит каждый день, отведенный судьбой, радуется детям и внукам, живет их заботами.

— Я рос в бедноте, поэтому горжусь, что у молодежи сегодня совершенно иные возможности. Что столько перспектив у них, что живем в мирной красивой стране. Да, абсолютно без проблем не получается... Но всегда, когда я слышу нытье о трудной жизни, спрашиваю: а что ты сделал сам для общего блага? Некоторые забывают, что государство — это и есть мы, его граждане, что гомельчане — это мы, жители нашего прекрасного города над Сожем. Хочу всех поздравить с великим праздником — 68-й годовщиной освобождения Гомеля от немецко-фашистских захватчиков!

Варашылаўскі стралок

Сэрца дрыгнула: почарк пісьма паказаўся бацькоўскім. Бывае ж такое! Я чытала гэты ліст-споведзь салдата і адкрыла яшчэ адну дэталю, якая збліжала мяне з незнаёмым дагэтуль жыхаром Церахоўкі Добрушскага раёна. Міхаіл Захаравіч Каржоў, як і мой бацька, быў паранены тэрмітнымі снарадамі праціўніка...

“Я не вельмі пакутую ад адзіноты, у мяне ёсць дамашнія сябрукі Кашка і Гашка, — пісаў ветэран. — Гашка вельмі ўважлівая. Бачыць, як паводзіць сябе дзед, заўважае ўсе складанасці і па паху чуе, што я прыняў сардэчныя лекі. Яна не адыходзіць да таго часу, пакуль я не кладуся спаць. Тады яна прыспасобіцца легчы так, каб быць бліжэй да больш праблемнай нагі. Калі на ёй адкрываюцца свішчы і раны гнаяцца, яна вычышчае іх лепш любога хірурга...”

Міхаіл Захаравіч стрэў мяне ў весніцах і павёў знаёміць са сваёй сядзібай і гаспадаркай. Дыхтоўны цагляны дом, з вадаправодам, каналізацыяй, — усё сведчыла пра моцнага гаспадара, які ўласнымі рукамі выпеставалі кожны пакойчык, кожную маснічынку.

— З вёскі Макаўе Гомельскага раёна я родам. Дзяцінства маё незайздроснае было. Бацька з грамадзянскай вайны інвалідам вярнуўся. Яму дзве аперацыі зрабілі і памёр, калі мне 8 год было. Я — старэйшы з траіх дзяцей. Да 1939 года скот пасвіў калгасны. Жылі як? Дзед па бацькоўскай лініі Іосіф Лаўрэнавіч быў выдатны млынар і крупадзёр. Жменю прынясе круп ці мукі. Так і мацаваліся. Летам жа жылі выключна за ягады і грыбы. І елі іх, і на адзенне зараблялі. У калгасе плацілі 200 грамаў хлеба на працадзень, ды выдачу таго заробку расцягвалі на год... Дзед мяне навучыў на лічыльніку і множыць, і дзяліць. Летам я на трох грыбаварных пунктах прымаў грыбы, напрацоўваў вопыт.

Бацькаў сябра па вайне Галянкаў быў старшынёю сям’і, зімой узяў мяне памочнікам бухгалтара. Сяргей Шкляраў, які працаваў да мяне на гэтай пасадзе, у фінскую загінуў. Месяцы два стажыраваўся я ў бухгалтара Якава Прыходчанкі, а потым самастойна прымаў справаздачы ад магазіншчыкаў, заробак нарыхтоўшчыкам і іншым спецыялістам налічваў. На той час гандаль толькі на нарыхтоўшчыках і трымаўся. Ягады прымалі, лекавыя травы. У Грабаўцы, пад Княжацкім лесам быў луг, дзе добра радзіў валяр’янавы карань. А з прадукцыі ў гандлёвыя кропкі завозіліся толькі гарэлка, віно, пячэнне, цукеркі, лепшыя тады, “Ракавая шыйка”. Крупы манныя і рыс па картачках толькі выдавалі выключна сіротам і інвалідам фінскай вайны.

Дык вось заўважылі здольнасці мае, прэміравалі — адправілі вучыцца за дзяржаўны кошт у Віцебск на паўтара гады. Мы вывучалі ўжо “двайную амерыканку”. А дагэтуль быў так званы “каморны ўлік”. Скончыў я тыя курсы з адзнакай. Назначылі ў самае буйнае сям’і ў вёсцы Грабаўка. Працаваў з дапамогай арыфмометра, барабана лічыльнага.

Тамара Кручэнка

Памятаецца, здаў квартальныя справаздачы і павёз месячную ў Церахоўку. Толькі стаў дакладваць галоўнаму бухгалтару, як зайшоў інструктар Саліванаў і паведаміў: “Вас выклікаюць у ваенкамат”. Мы разам з Цімохам Дзьячэнкам, начальнікам сакрэтнай часткі, старшым лейтэнантам, грузілі дакументы, паперы розныя на “ЗіС” — вайна пачалася! Ноччу выехалі на дзвюх машынах — 15 чалавек ваенкаматаўскіх і чацвёрэ грамадзянскіх. Старшымі прызначаны былі партыйныя работнікі Талкачоў і Данільчанка. Даехалі мы пад Старадуб на Браншчыне. Давалося у гароховых копнах заначаваць. Ды хтось бліснуў фанарыкам у цемры, фрыцы пачалі бамбіць. Дык Данільчанка, на машыне якога быў правіант для ўсіх пасажыраў, павярнуў колы дадому, пры нямецкай акупацыі жыў прыпяваючы. (Пасля вайны гэтага злыдня судзіў трыбунал).

Мы даехалі да Арла. Там на размеркавальным пункце мяне накіравалі ў Серпухаў, у вучэбны полк. Стреляць навучыўся так, што вавёрцы ў вока трапляў. Атрымаў значок “Варашылаўскі стралок”. Выпусцілі нас малодшымі сяржантамі. 12 лістапада 1942 года з’ядналі ў полк са стараслужачымі Алтайскай дабравольчаскай дывізіі. Яны нас сынамі звалі, бераглі па-бацькоўску.

Марозы стаялі да мінус 47. Рухаліся напрамкі, трымаючыся Валакаламскай шашы. Варожую абарону сарваць было складана, фрыцы літаральна зарылі ў зямлю цэлыя вёскі. А як яны уцяпляліся! На многіх былі жаночыя спадніцы, шарсцяныя хусткі, да ног чаплялі падушкі. Мы ж экіпіраваны былі нядрэнна: ватныя штаны, курткі на футры, світэры. Удалося прарваць варожыя кардоны. За трос сутак дайшлі да Ельні.

Тут фашысты кінулі супраць нас свае танкі новага тыпу — “тыгры”. Я быў наводчыкам спачатку пушкі-саракапяткі, потым — 120-міліметровай. Разбілі нашу батарэю. Атрымаў цяжкае раненне галавы і правага пляча. Ачнуўся я на другія суткі ў шпіталі, які размяшчаўся ў Доме культуры Пензенскага харчкамбіната. Амаль два месяцы лячыўся. У 1943-м прыехалі “пакупнікі”, трапіў я ў інжынерна-сапёрную часць. Наша задача была мініраваць пярэдні край, а перад наступленнем ноччу рабіць праходы для пяхоты. Апроч гэтага яшчэ і пантоны збіраць, узводзіць драўляныя масты. З Лоеўскай пераправы пачаўся мой вопыт фарсіравання рэк: Сож, Дняпро, Буг, Нарэў, Вісла...

Складана было на Лоеўшчыне, пакуль не пашырылі плацдарм. У фрыцаў — некалькі траншэй абароны, перад імі — мінныя палі. І выгадае распалажэнне, на ўзгорку. Ім з пасёлка як на далоні ўсё бачна, што дзесяцца тут, на палогім беразе.

Часць наша стаяла ў Васілевічах. Туды дастаўлялі ўсё неабходнае для мастоў і пантонаў. Гэта рундукі такія непатапляльныя. Іх падганялі да ракі ноччу, інакш не атрымоўвалася. Праціўнік засякаў. Спачатку пяхота з кулямётчыкамі заняла невялічкі плацдарм. Трэба было заяка-

Лёсай зорныя імгненні

рыць тросы. Стаўбы з ручною лябёдкаю ўладкавалі, каб добра нацягнуць провалаку.

Пантоны даўжынёю 6,5 метра, (у шырыню яны 1, 2 метра) надзелі на трос, паклалі калёсаадбойныя брусы, а зверху драўляны насціл. Пярылы яшчэ паставілі і мост атрымаўся...

Увачавідкі ўявіла сённяшні прывабны гарадок Лоеў, а потым думкі скіравалі ўдалеч, у кастрычнік 1943-га, калі юнак з Макаўя разам з іншымі байцамі рупіўся на пераправе. Дык вось дзе загартоўваліся рабочыя рукі Міхаіла Каржова! На лоеўскім плацдарме, на Дняпры. “Пераправа, переправа, берег левый, берег правый...” Міжволі падумалася: Захаравіч мог бы цудоўную экскурсію правёсці, сам ён жывы сведка такой Бітвы!

Яшчэ адна акалічнасць збліжала мяне з маім суразмоўцам. Згадваючы свае ваенныя дарогі, Міхаіл Захаравіч выгукнуў такое роднае для мяне слова: Мядзель. Назва майго бацькоўскага гнязда, райцэнтра на поўначы Беларусі... (Праўда, цяпер у ёй мяккі знак адсутнічае). Аказваецца, ветэран называў прозвішча чалавека, з якім звязаны не вельмі добрыя ўспаміны...

“На Магілёўшчыне мы стаялі каля вёскі Вармовічы, дакладней, каміноў, якія ад яе засталіся. Каля пачалося наступленне, накіравалі размініраваць гравійку. Паставілі задачу: шэсць метраў шырынёй, не менш, ачысціць. Мы і выканалі дакладна, як патрабавалася. Мядзель, камандзір батальёна, калі калона рушыла, вырашыў абагнаць яе, каб уперад вырвацца. Каманду даў такую вадзіцелю Васільеву. Стаў той абганяць калону і на міну наехаў. Мядзель загінуў. А мяне крайнім палічылі. Пазбавілі сяржанцкага звання. Накіравалі ў пяхоту. Гэта ўжо трэці род войскаў за вайну. Да канца яе прайшоў усю Польшчу.

У першых чыслах красавіка мы на Нямеччыну ступілі. Памятаецца, уся тэрыторыя ў каналах. Землі там пясчаныя, але за кошт паліву ўжо ў той час пшаніца па чвэрці была. 22-га чысла я быў цяжка паранены ў ногі асколкамі тэрмітных снарадаў. Лячыўся ў Карагандзе. Тры тыдні ляжаў на спіне. Калі гіпс з ног знялі, лягчэй стала. Але ж раны моцна гнаіліся. І вось прыходзіць вышэйшая медыцынская камісія. Хірург Іван Пятровіч дае заключэнне: правая нага не паддаецца лячэнню. Я ўдзячны палкоўніку медслужбы Нікіцінай, яна строга прыказала ратаваць нагу. Накіравалі мяне ў шпіталь у Гаграх, лячылі вадой з гарачых крыніц.

У 1947-м прыбыў на кастылях дадому, інвалідам першай групы. Маці з сястрой жылі ў склепе, які абагравала “буржуйка”. А ў мяне раны “плывуць”. Давялося пайсці да хроснага бацькі жыць, бо там была печ з ляжанкай. Сястра рабіла перавязкі, мыла бінты. Стаў я зноў працаваць у Грабаўскім сям’ю, бухгалтарам. Ды дактары параілі змяніць спецыяльнасць, бо раненне галавы давала знаць. Паступіў у

Тамара Кручэнка

політэхнічны тэхнікум у Мінску, адвучыўся. Накіравалі ва ўпраўленне працоўных рэзерваў рыхтаваць дзяцей-беспрызорнікаў для работы на будоўлях. Сем гадоў вучыў іх у СШ №4 у Навабеліцы. Спачатку групы каменшчыкаў, потым — столяраў і цесляроў. А апошнія дзве групы выпусціў сантэхнікаў і мантажнікаў.

З жонкай Палінай пяцёра дзяцей на свет пусцілі і выгадавалі. Працавала мая палавінка багажным касірам тут, у Церахоўцы, на станцыі. Расла сям'я, заробку не хапала, і я згадзіўся пайсці прарабам на перыферыю. Паехаў будаваць маслазаводы па Гомельшчыне. Замацавалі за мной самасвал невялічкі — палутарку. Узводзілі мы заводы ў Нароўлі, Брагіне, Хойніках, Церахоўцы. А потым інжынерам райкамунгаса працаваў. Будаваў школы, бальніцы, 8-кватэрны дом жылы ў Церахоўцы, пажарную частку, пакуль раён тут не ліквідавалі. Дабудоўваць ужо на пенсіі давялося Палац культуры ў сваім селішчы, школу. Помнікаў, адным словам, наставіў багата. Свой дом, як ляльку, адбудаваў. Ды вось лёс такі, што аднаму ў ім век даводзіцца дажываць. Зрэдчас начуюць у мяне хлопцы з таможны. Весеялей з кватарантамі...

Ці ж мог падумаць калі Міхаіл Захаравіч, што ўсе яго дзеці знойдуць сваю долю далёка ад роднага дому, а лёс унукаў ужо будзе завязаны з Германіяй і іншым замежжам. Так, відаць, суджана. І калі раз у год заедуць да бацькі дочки з Прыбалтыкі, свята для яго такое! Сыны менш здатныя да сентыментаў, таму і з'яўляюцца ў Церахоўцы разы ў гады. Гледзячы з вокнаў сваёй хаты на чыгунку, да якой рукой падаць, 87-гадовы ветэран дзяліўся набалелым: паралізаваны ён, скаваны сваёй маларухомасцю з-за параненых ног. А зрок і зараз выдатны, — варашылаўскі стралок без акулераў чытае кнігі і газеты. Цэлы стос “Гомельскай праўды” і “Камсамолкі”, зборнік раманаў Гергія Гулія ляжалі на сталі.

— Мне б легкавічок далі які ўзамен старога, каб у аптэку з'ездзіць ці ў бальніцу, — з наіўнай шчырасцю падзяліўся Міхаіл Захаравіч. — Як думаеш, мая галуба, ці дадуць? Прамаўчала, разумеючы, што катэгарычная адмова варашылаўскаму стралку раўнацэнна страце рухомасці.

У гаражы ён паказаў старую машыну “Ака” з ручным упраўленнем, што выдзялялася адпаведнымі службамі ўжо не новая, — служыла раней яшчэ камусьці з ветэранаў. А на гарышчы адкрыў... драўляную труну, пафарбаваную ў чырвоны колер, падрыхтаваную на той выпадак, якога ні на якой машыне не аб'едзеш. “Касцюм ёсць неначынаны”, — прамовіў бы сам сабе. Па-гаспадарску рассудзіў, што не будзе “трудзіць” дзяцей, у іх сваіх клопатаў хапае. Згадаў, як з сынамі Сяргеем і Сашам ездзіў у заробкі на ўкраінскую тэрыторыю. “За дзень грубу выкладалі! — прамовіў гэта і вочы пасвятлелі. — Нехта ж з іх павінен даляцець сюды, калі што якое. Я ў Макаўі хачу легчы, каля жонкі”.

— Ды што вы такое ўдумалі, Захаравіч!? Вясна, толькі жыць зараз, глядзіце, як садок моцы набіраецца, — вырвала я ветэрана са змро-

Лёсаў зорныя імгненні

ку песімізму. І ён паказаў цудоўную ігрушу-дзічку — тры сарты на ёй прывіты. А на яблынях па 5-6 разнавіднасьцяў яблык запрасяў пакаштаваць увосень. Гаспадар! Мы доўга згадвалі славу тага земляка, класіка беларускай літаратуры Івана Шамякіна. Высветлілася, што будучы пісьменнік не аднойчы начаваў у дзёда Каржова, калі гурбы снегу не дазвалялі дабрацца да бацькоўскай леснічоўкі. “Любілі яны рэзаць у шахматы. А яшчэ Івану падабаліся бліны грэчневыя ўчыняныя — бабка Ганна мая смачныя іх пякла”, — расказваў Міхаіл Захаравіч. Я ж, гледзячы на яго, думала: лёс Каржова цягне на шамякінскую аповесць. Ва ўсякім разе, галоўны герой — з кагорты тых, пра каго пісаў народны пісьменнік Беларусі. Волат духу, ён рыпіць, бы той стары вятрак, які аднавіў колісь яго дзед Іосіф Лаўрэнавіч.

Исповедь в девятый день мая

...С августа сорок второго русский парень Павел Степченко, уроженец села Надешка, что под Омском, постигал жесточайшие бои с противником. Как было привыкнуть к войне ему, бывшему аэроклубовцу, мечтавшему о прыжках с парашютом с мирного неба? Его призвали уже в первые дни Великой Отечественной — документы юных парашютистов были в военкомате. Прошел ускоренный курс военного училища и в звании лейтенанта, командира минометного взвода — под Сталинград...

Минуло почти 70 лет, а бои на волжских рубежах и сегодня приходят в сны.

Волги кровавые берега

— Не верьте тем, кто говорит, что не страшно. Враки. Война — это огромная кровь, потери людей, тех, с кем ты шагал рука об руку, вкапывался в грязь, снег. В августе сорок второго особо тяжело было под Сталинградом. Фриц шел вооруженный буквально до зубов...

Наши 82-миллиметровые орудия находились в километре-двух от линии фронта. Это пушки образца 1939 года, на конной тяге. Моя задача — корректировать огонь, поэтому я рядом с пехотой наблюдал, где находятся огневые точки противника, где он пытается прорваться, и нам необходимо поддать огонька. И это под постоянной бомбежкой, — самолеты буквально висели над нами в воздухе. Я всегда старался так выбрать огневые позиции, чтобы вражеские снаряды нас не задевали. Хотелось, чтоб меньшими потерями мы его сдерживали, фрица.

Когда гибли товарищи, думал: чем же ты лучше тех парней, которых убили? Наверняка наступит и твой час. Потому на войне я жил с ощущением каждого дня как последнего в судьбе.

Тяжело было со всем, с питанием тоже. Приходит комиссар и сообщает: «Ну, бойцы, завтра отъедемся. Двигается баржа с продуктами». А на следующий день он появляется с совсем иным настроением: «Гады, сволочи, потопили баржу...» Такое случалось часто, так что питались мы с Волги. В ней была масса глушенной рыбы. Снарядили специальную бригаду, которая отловом занималась. Варили рыбу вместе с сечкой.

Командиры получали 700-800 граммов хлеба в сутки. Хранили его, как правило, в касках. Помнится, был у меня командиром взвода старослужащий, 1909 года рождения. С ним ребята сыграли шутку. Возвращаюсь я как-то с НП, время обеденное. Мужик как ни в чем не бывало протягивает руку в свою каску — за хлебом. И вдруг как заорет! Оказывается, ребята поставили капкан, который и захватил его руку. Хохот стоял гомерический. Такая разрядка необходима была, чтобы переключиться на положительные эмоции.

По-моему, в сентябре мы глупо, бездарно, почему-то без предварительной разведки пошли в наступление. Думаю, дивизию положили, не

Лёсаў зорныя імгненні

меньше. Только у меня в ротс четверо ребят погибли и 28 получили тяжелые ранения.

Толковый был комиссар роты, фронтовик Дмитриев. Сильно раненный, он сказал: «Принимай роту! Ищи хоть кого-нибудь из полка». Когда я отошел на прежние позиции, поразился: никого нет. Ни комбата, ни комполка. А я же не имею права сняться с позиций: надо найти, кому подчиняться. А тут никого... Стал спускаться в степную балку и увидел ребят тяжело раненных, контуженных, ползущих, бредящих. Как такое забыть? Всплывает в памяти эта жуткая картина, которая, наверное, сравнима с адом...

Километра два прошел, встречаю офицера, который сообщил, что заместитель начальника штаба собирает всех, кто остался из нашего полка. Удалось мне собрать уцелевших ребят, почти батальон. Привел их наши огневые, сделали разведку боем и заняли оборону...

У каждого свой Сталинград

Удивляюсь, что уцелел, пройдя сквозь такой огонь. Бывало, в сантиметрах от тебя смерть. Как-то по траншее шел, короткое затишье между пальбой. Впереди, буквально в пару шагах от меня — девушка. И на глазах у меня вдруг падает, будто подкосили. Пуля, прямое попадание в грудь. А мне судьбой было начертано выжить.

Не раз враг предпринимал попытку психологических атак, сбрасывая с самолетов на наши позиции литературу с портретами своего фюрера, призывая сдаваться. Мы выстилали этими пропагандистскими брошюрами балки и палили из всего оружия, расстреливая в упор ненавистного Адольфа...

2 февраля сорок третьего немцы потерпели полное фиаско под Сталинградом. Насколько мне память не изменяет, всего было окружено 330 тысяч гитлеровских вояк, 99 тысяч из них взяли в плен. В городе они прятались в подвалах. Ребята туда в окна противотанковые гранаты забрасывали. Можете представить, что творилось внутри. Зима морозная была. Но с приходом весны в городе возникала опасность инфекций, поэтому из всех воинских частей мобилизовали людей и транспорт, чтобы очистить подвалы. И пленных немцев, естественно, задействовали, человек по 20-25 в сопровождении конвоя. Трупы они связывали веревками и вытаскивали на свет божий. Выкладывали штабелями на тротуарах. Весь центр города — в таких «телесных ограждениях», сантиметров 70 в высоту. Я это видел собственными глазами — нас направили в Сталинград на пополнение. До апреля я был в городе, который лежал в сплошных руинах.

Все последующие после Сталинграда бои (освобождение Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии) казались намного проще, даже форсирование Днепра у Кременчуга.

Тамара Кругэнка

Помнится, начштаба батальона и взвод бойцов первыми двинулись через реку, чтобы захватить плацдарм на противоположном берегу. Лодку их расстреляли, но начштаба отлично плавал, выбрался. А многие пацаны пошли на дно... Мы вблизи от уреза Днепра заняли позицию. Копнешь лопаткой сантиметров 30-40 — вода сочится. Так сутки держались, пока двинулись дальше.

8 мая 1945-го на территории Австрии пленные немцы кричали «криг капут!» Вместе с ординарцем зашли в один из домов, попросили включить радиоприемник. Но толком не могли разобраться в том вещании. Вот когда уже как словесная волна отовсюду по войскам покатилась весть: «Победа!», вверх подбрасывали и пилотки, и автоматы, и друзей. Такое ликование и радость, такой полет мыслей о доме, о встрече с родными... Не передать словами, это надо пережить!

В войну до Берлина Павел Степченко не дошел, но в мирном 1951-м году это случилось. В течение шести лет участник Великой Отечественной занимал должность военного коменданта одного из пригородов Берлина. Именно на территории Германии Павел Ильич полюбил охоту и рыбалку, заимел массу трофеев. Особенно удачливой была для него охота на дикого кабана...

После войны Степченко прослужил в армии еще 30 лет, в том числе в разных гарнизонах Белоруссии. В Гомеле встретил свою любовь по имени Люба. Так и осел здесь. «Я никогда об этом не пожалел. Мы родственные народы, славяне. Как братьев люблю белорусов!» — делится фронтовик.

Годы взяли свое: подводят и зрение, и слух, болят ноги. Сильно подкосила ветерана смерть дочери. Остался дедуся-фронтовик с двумя внуками. Старший, Сергей, окончил технический университет имени Сухого, младший, Женя, второкурсник этого вуза. «Парни толковые у меня, не забывают, помогают участок обработать. Настоящими мужиками растут. Стараюсь им финансово помочь — у молодежи сейчас столько возможностей!»

Павел Ильич в Новобелицком районе Гомеля один из самых активных ветеранов: часто выступает на уроках мужества перед школьниками. Его монологи-воспоминания намного глубже цепляют ребят, чем страницы школьного учебника истории.

Иваны

До недавних пор мои личные впечатления о разведчиках основывались в основном на фильмах «Семнадцать мгновений весны», «Вызываем огонь на себя» и других кинолентах. Оказывается, есть в этой уникальной профессии и выходцы с нашей Гомельщины. Да еще какие!

Звучал в их сердце полонез

От тогдашнего директора лоевского музея «Битва за Днепр» Ольги Кравцовой довелось услышать об уроженце здешних мест разведчике Иване Мельникове, входившем в группу «Джек». Она в 1944-м действовала на территории Германии, неподалеку от главной ставки Гитлера «Вольфсшанце» — «Волчье логово». Захотелось узнать поподробнее, найти родных этого неординарного человека. Работал он бок о бок с разведчицей, радисткой Анной Морозовой, которая пришла в «Джек» уже имея опыт Сещинского подполья на Брянщине. Именно ей посвящена книга «Вызываем огонь на себя», по которой снят одноименный фильм.

В тыл врага десятка смельчаков — россиян и белорусов — отправлялась 26 июля 1944-го с аэродрома неподалеку от Сморгони на Гродненщине. Интересно, что перед отлетом им случилось побывать в Залесье — бывшей усадьбе Михала Клеофаса Огинского, автора знаменитого «Полонеза». Вот как описывает этот отлет один из непосредственных участников группы «Джек» Наполеон Ридевский в документальной повести «Парашюты на деревьях»: «В этот момент чарующие звуки ля-минорного полонеза Огинского «Прощание с Родиной» вырвались из дома и поплыли над садом, за ручей, вышли на широкий простор полей и лугов. Сердцу стало тесно. Хотелось, чтобы не было конца этому грустному напеву, хотя он не ласкал, не гладил душу, а рвал ее на части».

Задачи для разведгруппы были сформулированы такие: контроль за железнодорожными и автомобильными перевозками, систематический захват «языков», информирование об оборонительных рубежах, сосредоточении на них войск, намерениях противника по дальнейшему ведению операций. Уже при выброске на вражескую территорию десант столкнулся с проблемами: штурман ошибся на шесть километров от заданного места. Да и шесть из 10 парашютов повисли на деревьях, что заставило группу маневрировать в весьма непростых условиях. Зачастую через каждые 50–100 метров приходилось преодолевать колючую проволоку, которой были огорожены земельные участки, загоны для скота. Широкие лесные просеки, перерезавшие здешние леса, были настоящими ловушками, на которых поджидала смерть. Немало водных преград, речушек и озер приходилось преодолевать ребятам, беря на вооружение опыт довоенной жизни.

В группе было три Ивана: Мельников, Овчаров, Целиков. Чтобы лучше ориентироваться, Мельникова звали Иван Иванович, Овчарова —

Тамара Кружнка

Иван Черный, Целикова — Иван Белый. Работавший трактористом до войны, Мельников, человек от земли, зачастую выручал товарищей в сложных ситуациях, проявляя мужество, смекалку. А еще он прекрасно умел маскироваться, за что и получил кличку «Крот».

«Мельников стукнул немца прикладом по голове, и он притих», «Мы крепко держали пленного за руки, а Мельников, сорвав у него с головы пилотку, зажал ему рот так, чтобы тот не мог крикнуть», — вот такие документальные свидетельства Ридевского. Обстановка требовала от разведчиков предельной собранности, маневренности. Были проблемы с едой, а появляться на хуторах для ее добычи было небезопасно. Неоднократно наш земляк демонстрировал свою предприимчивость и в этом, показывая товарищам примеры выживания в лесах Пруссии. Кстати, когда Мельников хотел напомнить о еде, говорил: «Давайте повеселимся!»

Из книги Н. Ридевского «Парашюты на деревьях»:

«В полдень Мельников вытащил из рюкзака большой кусок желтоватого копченого сала, завернутого в газету.

— На чердаке, куда я забрался, вижу, в дымоход встроена большая ниша, вроде неширокого шкафа. Она плотно закрывается железной дверью. Посветил фонариком, посмотрел на эту дверь — давай, думаю, открою. И на тебе: на железной перекладине висят куски копченого сала. Попробовал было целый затолкать в вещевой мешок — не вошел. Пришлось располовинить.

Мельников посмотрел каждому из нас в глаза и доверительно сказал:

— Скажу вам, ребята, откровенно: по-хозяйски у них все это сделано. Печку топишь — и одновременно копчение идет».

Наши не сдаются!

Уже утром 27 июля гауляйтеру Восточной Пруссии Коху было доложено, что неподалеку от залива Куришес Гаф сброшены парашютисты противника. А это буквально на расстоянии двух-трех ночных переходов от ставки фюрера.

И началось противостояние наших разведчиков и их преследователей. В первый месяц погиб командир группы Павел Крылатых. Его сменил Николай Шпаков. Наши смельчаки первыми ощутили на себе мощь укреплений противника. Им приходилось буквально спотыкаться о «зубы дракона» — мощные железнодорожные надолбы, сваренные из железнодорожных рельсов «ежи», линии укреплений, состоящие из дотов, которые были расположены так, что могли вести перекрестный огонь по одной цели. Были они замаскированы они дерном, елочками очень профессионально. Фрицы строили и тайные бункеры для своих разведгрупп, которые, как предполагалось, останутся в тылу советских войск «в случае их прорыва в Восточную Пруссию», для ведения разведывательно-диверсионной работы. Все это наносилось на карты, а радиотки, две девушки в группе, Анна Морозова и Зина Бардышева, докла-

Лёсаў зорныя імгненні

дывали на Большую землю, уходя на 10-15 километров от расположения «Джека». Пока одна вела передачу сведений, другая вводила вражеские станции пеленгования в заблуждение, посылала ложные сигналы.

Первые 35 дней разведчики ни разу не ели горячего, не грелись у костра, не сушили одежду. Сколько было этих «не». 30 августа был доставлен хоть и скромный, но груз с Большой земли, позволивший сменить белье и одежду.

А 16 октября они услышали долгожданное сообщение о наступлении войск 3-го Белорусского фронта в направлении города Гольдапа. Это был своеобразный отвлекающий маневр наших, — 6 дивизий противника повернули сюда с берлинского направления. Дух разведчиков подпитывало предчувствие скорой встречи с родной армией. Иван Мельников все чаще вспоминал родную Лоевщину, мечтал сесть за штурвал трактора.

Портрет героя

«Лицо у Вани Мельникова длинное, скуластое, глаза большие, с прищуром, как у охотника, — глаза много повидавшего, совсем еще молодого человека», — этот портрет героя цитирую из документальной повести Овидия Горчакова «Лебединая песня». Она — продолжение повествования «Вызываем огонь на себя» об Анне Морозовой, которую в одноименном фильме сыграла Людмила Касаткина. В этой книге также читала о работе группы «Джек», но обстоятельства гибели Ивана оставались для меня окончательно не проясненными. Поэтому отправилась в очередной раз на Лоевщину.

Учитель истории Ручеевской школы Иван Гуринович помнит отца, братьев и сестер героя. «Отец мой рассказывал, что Иван был высокий, под метр восемьдесят, очень ловкий, любил бороться, — рассказывает Иван Павлович. — Как-то схватился с моим дядей Иваном. Тот был на два года старше, сильный, как медведь, медлительный. Можете представить, Мельникова он одолеть не смог. И так злился, что в очередной схватке с ним руку поломал. Это его словно отрезвило. Батя мой рассказывал, что желания бороться с Иваном больше у дяди не возникало».

Долгие годы в Ручеевке судьбой земляка занималась вместе со школьниками-следопытами предшественница Гуриновича Лидия Примак. В 1983 году на встречу с ребятами приезжал сам Ридевский, который сделал дарственную надпись на своей книге «Парашюты на деревьях»: «Землякам героя минувшей войны, славного советского разведчика Ивана Ивановича Мельникова, жизнь которого — яркий пример беззаветного служения Родине».

Мне повезло найти в Лоеве продолжение рода Мельниковых, встретиться с одним из его племянников Петром Липским. Петр Павлович работает сторожем в районном узле почтовой связи. Вот что он поведал:

Тамара Крутэнка

— У деда героя было гектаров 15 пашни, а также Давыдков луг у Деражичей. Он все время держал пчел. А отец Ивана в первую мировую, вероятно, был морским офицером. Он попал в германский плен и лет семь провел на чужбине. Язык хорошо освоил. Говорят, что и жителей Николаевки в Великую Отечественную войну от фашистской расправы спас благодаря знанию немецкого. В семье было шестеро детей: Апанас, Иван, Пелагея, Петр, Татьяна, Галина (это моя мать). Все труженники, пахари, легкой доли не искали. С 12 лет и я вкусил крестьянского хлеба — сажал картошку, сено заготавливал, на зернотоку вкалывал...

Что же успел за свой 21 год жизни Иван Мельников? Имел огромный интерес к математике, увлекался техникой. Окончив 7 классов Ручеевской школы, пошел работать трактористом в подшефное хозяйство областной газеты «Полесская правда» (нашей «Гомельской праўды!»). Потом семья пересехала в Николаевскую область Украины, где Иван работал прицепщиком. Но перед Великой Отечественной возвратились домой. Иван окончил курсы трактористов при Лоевской МТС, работал трактористом в Николаевке, там, где берет начало исток его рода...

Н. Ридевский пишет, что «остатки групп «Джек» и майора Максимова пробирались в северные районы Польши, но пришли туда только трос наших — Иван Мельников, Зина Бардышева и Аня Морозова».

Из радиোগраммы «Центру» от Лебеда:

«Три дня тому назад на землянку внезапно напали эсэсовцы...» Сойка» (Зинаида Бардышева — авт.) сразу была ранена в грудь. Она сказала мне: «Если сможешь, скажи маме, что я сделала все, что смогла, умерла хорошо». И застрелилась. «Гладиатор» и «Крот» тоже были ранены и уходили, отстреливаясь, в одну сторону, я — в другую...»

Поразительные перипетии судьбы! Как-то жене Петра Липского Людмиле позвонил из Калининграда двоюродный брат. И рассказал: на дороге «Советск-Калининград» стоит памятник с надписью: «В этом районе активных действий разведгруппы «Джек» принял свой последний бой помощник командира группы И. И. Мельников (1923-1944г.г.)».

Признаться, не хочу, не имею морального права ставить точку в этой истории. В группе «Джек» действовал еще один уроженец Гомельщины, — Иван Целиков, которому повезло вернуться с войны и продолжить свой крестьянский труд на полях родного хозяйства. Спустя 20 лет после Победы он писал Овидию Горчакову: «День за днем таяли силы нашей группы. Мы поклялись драться до последней капли крови и не сдаваться живыми... Всего мы прошли сквозь 14 немецких облав, и 14-я была самой страшной... 18 раз окружали нас немцы в разных лесных квадратах и 18 просек пришлось нам форсировать с боем. Я отбился во время прорыва через 19-ю просеку около железной дороги уже в полной темноте и заблудился в лесу. Я выжил, пройдя сквозь невероятные трудности. Около месяца жил, как дикообраз, питался дубовой корой. В лесу дожидался наших...»

Лёсаў зорныя імгненні

Наверняка в деревне Глубоцкое Гомельского района есть люди, помнящие этого человека. Сведений о нем негусто. Известно, что до «Джека» Целиков с Мельниковым были включены в разведгруппу, которая перешла линию фронта и действовала на Могилевщине. Там к ним присоединился третий Иван — Овчаров. И все три Ивана были очень дружны. Н. Ридевский приводит сведения о том, что «Иван Белый» был человеком спокойным, сдержанным по характеру. Некоторое время перед войной жил в Казахстане.

Очень надеюсь, что найдутся люди, помнящие Ивана Белого.

Белый «Ворон»

Мне удалось отыскать родственников Ивана Целикова, известного под псевдонимом Иван Белый.

...Первым на публикацию «Иваны» откликнулся прокурор Кормянского района Алексей Гавриков: «Мой отец Иван Андреевич может поделиться с Вами информацией. Целиков — его троюродный брат. Они и жили в деревне Глубоцкое Гомельского района по-соседству».

Созваниваемся. Оказывается, Иван Гавриков давно занимается темой. Мы запланировали съездить вместе с ним в Климовку Гомельского района, где завершилась жизнь его брата. Но встреча наша произошла не сразу: тезка Целикова — прораб, строил в тот момент домики в агрогородках на Брагинщине. Пришлось подождать возвращения Ивана Андреевича из командировки.

Гавриков оказался человеком общительным, коммуникабельным, много читающим. Давно сам по крупицам собирает сведения о брате. Вот что он рассказал:

— До Великой Отечественной войны брат работал с моим отцом Андреем Филипповичем в МТС в Поддобрянке. Папа был трактористом, Иван — прицепщиком. Помнится, в селе говорили, что Иван был бесшабашным, шустрым, физически крепким. Очень любил чудачества разные. Бывало, в Поддобрянке зайдет в клуб на мероприятие. Увидев, что все места уже заняты, прыгнет, чтобы втиснуться между двумя девушками, и начинает чесаться, будто вши заседают. Окружающие — врассыпную. А он отцу моему: «Садись, Андреевич...»

Приемами рукопашного боя хорошо владел и после войны. Случалось, придет в клуб играть в бильярд, а местная молодежь пристает: «Иван, покажи, как ты нож у фрицев выбивал». И у него это ловко получалось.

В детстве не раз приходилось слышать рассказы Целикова о мытарствах после того, как группа «Джек» разделилась. Весной 1945-го ему доводилось кормиться из птичьих гнезд, чтобы выжить... Иногда при стычках с немцами удавалось разжиться галетами. Он зарос как дикобраз.

По рассказам брата, его призвали по мобилизации в июне 1941-го, прошел он подготовку в Москве на парашютиста-диверсанта. Позднее

Тамара Крутько

был заброшен на Могилевщину, там уничтожали изменников Родины: врывались в села, снимали часовых, хватали, кого следует, зачитывали приговор и приводили его в исполнение. Не раз и сам Целиков был на волоске от гибели, рассказывал, что однажды спасся благодаря женщине.

В 1969 году мне за хорошую работу в колхозе подарили книгу Наполеона Ридевского «Параюты на деревьях». Это была такая гордость для меня! И документальный аргумент для учителя математики, который изводил меня фразами: «Трепло твой Целиков, где он был, какой он вояка? Я вот руку на войне потерял...» Так что выход книги, а позднее и фильмов соответствующих стали подтверждением, что брат был на серьезном задании Центра. Помнится его спина израненная, буквально яма от осколка под лопаткой.

Брат говорил, что брали его для черновой работы, что за Могилевщину отмечен орденом Отечественной войны второй степени.

О Мельникове отзывался как о самом ловком. А еще рассказывал о первой встрече в Минске с Ридевским и Юшкевичем. Разведчики всплакнули, увидев друг друга, и на природе отметили свою встречу.

Из энциклопедии «Назовем поименно» (г. Калининград, 2009 год):

Целиков Иван Андреевич — ветеран спецчастей оперативной разведки Генштаба Красной Армии... К службе привлечен 19 июля 1942 года. «Ворон» — оперативный псевдоним... Был удостоен ордена Отечественной войны 2-й степени (номер и дата наградного приказа неизвестны).

Во второй раз — в составе специальной диверсионно-разведывательной группы «Джек» в/ч «полевая почта 83462» 3-го (диверсионных действий) отделения Разведывательного отдела штаба 3-го Белорусского фронта: около 1.00 ч. 27 июля десантировался в двух километрах южнее восточнопрусского поселка Ляукнен (теперь Громово Славского района).

29 ноября 1944г. в группе с бойцами диверсионно-разведывательной группы «Максим» ... оказался отсеченным от ядра действующих совместно разведгрупп «Максим» и «Джек». В феврале 1945-го ... в составе группы, выбывшей из ДРГ «Максим» 2 декабря 1944г., благополучно соединился с передовыми частями победоносно наступающей на запад регулярной Красной Армии.

Согласно материалам в/ч 61379, 29 марта 1945 года был откомандирован из в/ч «Полевая почта 83462»... для дальнейшего прохождения службы в 208-й армейский запасной стрелковый полк 3-го Белорусского фронта».

Когда мы забрали свою мать в Гомель, я стал реже бывать в Глубоцком. В 1983–1986 годах работал в Венгрии. И в 1986 году мы встречались с братом на похоронах моего отца. Поговорить на такой скорбной встрече, естественно, не удалось».

Чтобы найти уникальные послевоенные фотографии Ивана Цели-

Лёсай зорныя імгненні

кова, узнать о его последних днях жизни, мы отправились в Климовку. По словам моего собеседника, Целиков женился на Ольге Савичевой, уроженке Калинино. Совместных детей у них не было. Потому и последние годы он провел в семье падчерицы Анны в Климовке, в небольшом деревянном доме.

Внушительный, основательный — таким увиделся мне зять Целикова Иван Засимчук, уроженец Херсонщины. И неслучайно. В свое время был участковым милиционером в Новобелицком районе Гомеля — от завода «Кристалл» до железной дороги. «Теперь там три участка, где я один справлялся» — выдал нам Иван Яковлевич. Потом он принес из зала драгоценные фотографии. Показывая их, сделал, как истинный милиционер, лаконичную характеристику: «Шухерной был Иван Андреевич. Здоровьем недюжинным располагал при всей своей внешней хрупкости. Работал в послевоенное время в колхозе, на вагоноремонтном, а также судоремонтном заводах в Гомеле, а затем на стройке. Кстати, возводил Дуяновский дом-интернат. Выпить любил в последние годы, что греха таить. Как-то привез я ему спирта. Наливаю малиновский стакан, предвкушая, как он сморщится. А он — хоп! Опрокинул, словно воду пьет, открыл холодильник, взял ложку горчицы, засл и папиросу в зубы. Кстати, о войне вспоминал, когда выпивал.

Дружно мы жили. А свалило его воспаление легких, недосмотр врача сельской больницы в Прибытках. Об этом говорили мне специалисты госпиталя в Гомеле, куда доставил деда. Там и услышал, что безнадежно болен Иван Андреевич. Умер он дома вечером 22 августа 1992 года. Я позвонил в Калинино тете и дяде. Мы втроем мыли и одевали Целикова в последний путь. Лежит он рядом с женой на кладбище в Калинино...

Брат родной Ивана Андреевича, Миша, жил в Запорожье. Я ему телеграмму отправил, позвал на похороны. Он не приезжал, ответил телеграммой, что болен. Миша был 1928 года рождения, он на войну не попал, но служить в армии ему довелось 7 лет. Он был интеллигентным по жизни, но связи мы уже не поддерживаем. Не знаю, жив ли он».

Садимся и едем на деревенское кладбище в Калинино. Яковлевич как опытный сыщик за минуту подводит нас к семейному ряду Целикова. Глядя на скромный крест с фамилией и датами, словно зажавшими в тисе участие Ивана Андреевича в группе «Джек», думаю о том, что теперь уже не для него самого — для родни и земляков важно сделать надпись: «Здесь упокоен участник одной из лучших разведгрупп мира — «Джек»... (Это не преувеличение, так значится в специальном английском каталоге). Пусть к 9 мая сюда придут на урок истории школьники из окрестных сел.

«Джек»: последний из живущих

Мне удалось встретиться с непосредственным участником событий, единственным из живущих сегодня разведчиков группы «Джек» Геннадием Юшкевичем.

Тамара Кружэнка

...Еду в Минск в утреннем поезде и мысленно пытаюсь обогнать его: представляю, какой будет наша встреча с человеком-легендой. К разведчику из группы «Джек» нельзя опаздывать! Условились ровно в 12.00 встретиться, так будь добра как штык. Звоню уже в метро по мобильному, и слышу приветливое: «Я жду вас».

В качестве главного удостоверения личности везу фотографии Ивана Целикова, добытые в его семейном архиве.

— А вы пунктуальны! — с порога делает мне столь желанный комплимент Геннадий Владимирович. Неужели передо мной тот самый «Генка-ёжик», 15-летним пацаном в июле 1944-го десантировавшийся с Иванами и другими разведчиками в самое логово противника?!

Выясняется, что встречи хоть с кем-то из гомельской журналистской братии мой собеседник ждал годы. Ведь наш край ему не чужой. Отец, Владимир Андреевич, во время Великой Отечественной был главврачом санчасти Наровлянской партизанской бригады имени Кирова, которую возглавлял комбриг Владимир Яромов. А потом почти сорок лет отработал главным врачом Хойникской райбольницы. На Полесье он оказался неспроста. В тридцатые годы, когда в Минске начались чистки интеллигенции, Юшкевич-старший, выступавший в 30-е годы в агитационно-эстрадном театре «Синяя блуза», по совету друзей уехал в Наровлю. Участвовал в походе Красной Армии в Западную Белоруссию, в финской кампании...

— Как-то я был в Хойниках у отца, — делится воспоминаниями Геннадий Владимирович. — Предстояло улетать из Гомеля на самолете, поэтому я торопился. Пришел на автостанцию, а тут сообщили, что автобус сломался, рейс отменяется. Нервничаю и не сдерживаюсь: «Ну, у вас тут и медвежий угол! Нет советской власти и порядка». А отец говорит: «То, что у нас медвежий угол — ты прав, то, что порядка нет, тоже. Но, погоди, скоро о нас узнает весь мир».

— Почему? — спрашиваю.

— Погоди, увидишь. А пока иди, нарви на дорогу черной смородины. Ведро возьми.

Я пошел в сад, а там в-о-от такие ягоды на кустах. Спросил у отца, почему такая крупная смородина. А он смеется: «Ты помнишь, и мята прежде росла до подоконника только, а сейчас под самую крышу вымахала».

Чернобыль уже работал во всю. Отец был технически грамотным человеком, а в больнице у них была соответствующая аппаратура.

«Это был по-настоящему земский врач. Почти сорок лет отработал в одном населенном пункте хирургом и травматологом, терапевтом, гинекологом и педиатром, отоларингологом, оставаясь для окружающих высокоинтеллигентным, интеллектуальным человеком, свято придерживаясь высоких и гуманных принципов врачебной этики, никому не отказывал в помощи, во всяких ситуациях, в любое время».

Лёсай зорныя імгненні

Из статьи Е. Каплинской «Работа стоит благодарности» в «Литературной газете» от 24 апреля 1985 года

Цитируя мне эту статью, сильный человек, разведчик, еле сдерживает набегающую слезу. Живет в его сердце давняя обида: похороны отца были мучительными не только потому, что у гроба стоял один только венок от санитарок больницы. В ту зиму был суровый мороз, и долбить землю пришлось самим родным, так как не было выделено ни транспорта, ни подмоги. Расстроенные бездушием, коллеги Владимира Юшкевича написали письмо в «Литературку».

— Земля как гранит метра полтора, — делится мой собеседник. — Гроб пришлось опускать вертикально... А потом только пришли из райкома партии, попросили партийный билет отца. Все. Вот такое отношение к человеку, который жизнь посвятил людям...

Испытываю чувство вины как представитель Гомельщины. И говорю Геннадию Владимировичу, что в Хойниках многое изменилось с той поры, сам райцентр преобразился неузнаваемо, дарю книгу о городе. Подчеркиваю, что в райисполкоме работают люди неравнодушные, душевные, со многими приходится сталкиваться. Невольно входим в тему «человеческого фактора», важного во все времена.

— Вам довелось после войны работать в управлении по борьбе с бандитизмом, уголовном розыске, ОБХСС, а после окончания юрфака БГУ — старшим следователем по особо важным делам в Минском областном управлении милиции. Как вы сам подходили к людским судьбам, что особо запомнилось?

— Шла реабилитация прежде осужденных. И вот пришло заявление прокурору республики, мне поручили разобраться. Фабула такова. До 1939 года всех лиц польской национальности в радиусе 100 километров от Минска высылали на спецпоселение. В одной из деревень жила семья: муж-поляк, жена-белоруска и трое детей. Семья эта батрачила. И вот у них отбирают дом, скот, главу семьи высылают, жена едет за ним, а детей забирает мать супруги. В районе Урала во время сплава по реке муж утонул. В 1940-м вдова пишет письмо Калинину с просьбой вернуться под Минск, в свою деревню. Ей отказывают. Решает ехать сама. Добирается до Осиповичей (они за пределами Минщины) и ночью крадется, чтобы навестить детей. Ее ловят и дают срок 6 лет «за побег с места поселения». Но тут началась война, и все замялось. Она каким-то образом вернулась, была на оккупированной территории.

Мне пришлось немало поездить, встретиться с соседями, опросить их. Выношу заключение: «Никакого состава преступления в действиях этой гражданки нет, дело политическое, противоречит духу интернационализма». И отослал прокурору. Все вернули женщине. Она приехала, упала передо мной на колени: «Все-таки есть правда у советской власти!» А попади дело иному следователю, который пихнул бы в корзину и все...

Тамара Кручэнка

— Вас зачислили Почетным солдатом 12-й роты 4-го отряда специального назначения 5-й отдельной бригады специального назначения сил специальных операций Вооруженных Сил Республики Беларусь. Поделитесь с современной молодежью, как вы возвращали в себе мужество, патриотизм, физическую закалку?

— Жили мы небогато. Помню, бабушка поднимала всю семью в четыре утра, и мы шли в очередь за маслом: на руки давали 200 граммов. Сестра, я, мама, бабушка, дедушка стояли в очереди по три-четыре часа, зато получали килограмм масла...

Сейчас если у кого вдруг не стало горячей воды в кране — трагедия. Вспоминаю, как в довоенное время ценилась вода. Мы жили на Обувной улице, а за водой с чайниками, кастрюлями ходили в район Юбилейной площади, метров в трехстах от нас. Старый еврей качал насосом воду и продавал ведро за 2 копейки.

Зимой утром просыпаясь, а вода в ведре замерзла. Бабушка медной кружкой пробивала лед. Пока топилась печка, мы сидели под одеялом.

У меня был такой распорядок дня. В 8 часов в школу вез пес Ярик на санках. Потом он сам возвращался домой. (Не потому ли у моего героя и сегодня живет в квартире овчарка — авт.) Уроки я делал на ходу, на переменах, после занятий. Потом, идя мимо дома, забрасывал ранец в коридор (ведь если зайду, заставят обедать), а бабушка вручала через форточку бутерброды.

Бежал во Дворец пионеров, занимался я в кружках, — трех оборонных, а также танцевальном, баянистов, зоологическом, столярном, танцевальном. Ежедневно посещал по два-три кружка. Потом учился в музыкальной школе по классу виолончели, ходил в спортивную по гимнастике. Да и у дома катался на лыжах и коньках. С утра до вечера был занят. Потому и дури не было. Не смотрел «выпендроны» по телевизору...

Наверное, от отца перенял интерес ко всему. Он был энергичный, подвижный. И мне всегда хотелось во всем успеть, мечтал быть пожарником, милиционером, командиром, моряком, пограничником. Не хотел быть летчиком, железнодорожником и ученым — читать для меня было наказанием.

Помнится, идем с катка, захожу в сенцы и запускаю руку в огромный глиняный чан: бабушка хранила в нем квашеную капусту. Горстку в рот, — голодный же!

Или идя из Дворца пионеров у нас было обыкновение на углу улицы имени Энгельса и проспекта задержаться у стеклянной витрины пекарни. За ней выставлялись пирожные, которые выпекались неким турком. И каждый из нас, пацанов, обозначал свое пирожное: «Я ем это!» Вот такие радости были.

— Когда началась война, вам всего 12 лет было. И в 1941-м погибла мать. Но вы же не пошли по скользкой дорожке предательства, преступности...

Лёсаў зорныя імгненні

— Мама входила в подпольную группу Хмелевского, Воронова... Она устроилась в люфтваффе уборщицей, имела доступ к информации. В октябре сорок первого была акция «Возмездие» и всех их схватили. Мама сидела в тюрьме на улице Володарского, ее повесили. И могилы как таковой нет, возможно, их всех свезли в Тростенец...

Вообще, иногда я иронизирую, что и сам отбыл 15 лет на Володарского, имею в виду свою работу следователем. Да и сестра моя работала в тюремной больнице на Володарского, 2. Отец там 8 месяцев отсидел: кто-то «стукнул» в послевоенное время, что он, якобы немцам прислуживал.

Почему я не пошел в плохую сторону? Да потому что уже имел закваску соответствующую.

Помнится, как в довоенное время дружил с соседской еврейской семьей Альтшулеров, часто играл с их детьми Зоей и Игорем в прятки. Как-то под кроватью у них нашел 20 копеек. В глазах у меня зарябило — деньги валяются! Зажал монету в кулачке и когда пришел домой, бабушке показал. А она: «Ты что, иди, извинись, отдай, ведь они потеряли эти деньги!» Я пошел и отдал, хотя вынашивал планы купить на них граммов 20 монпасье.

Так нас воспитывали. Не заberi, а отдай! Я с малолетства усвоил, что жить надо честно.

«В составе группы Генка к тому моменту уже разобрался. Павел Крылатых — командир. Николай Шпаков и Иван Мельников — заместители. Наполеон Ридевский, который лучше всех в группе знает немецкий — основной переводчик. Зина Бардышева и Анна Морозова — радистки. Иван Овчаров, Иосиф Зварика и Иван Целиков — бойцы. Трех Иванов, к слову, различали так. Мельникова звали Иваном Ивановичем, Овчарова — Иваном Черным, Целикова — Иваном Белым».

(Из книги Г. Юшкевича «Увидеть Пруссию и... умереть»)

— Интересно, который из Иванов Вам был ближе по складу характера?

— Иван Иванович никогда не унывал. Подвижный очень. Я помню его походку: ходил он чуть-чуть вразвалочку, как моряк. Как только мы останавливались на привал, он обычно обращался к Шпакову: «Ну что, Коля, повеселимся?» Мельникову давали банку тушенки, он доставал финку и ш-а-ах! Одним движением открывал и каждому четко откладывал положенную порцию.

Целиков был исполнительным, дисциплинированным, но немного угрюмым, весь в себе. Здоровый, крепкий парень. Правда, иногда ворчал в адрес радисток: «На х..на этих баб сунули, ладно, мужики страдают, зачем их отправлять было...»

...Случилось, как-то мы нарвались на засаду, и Шпаков отбился от группы, в темноте ведь это немудрено. Сначала мы искали его, никак не могли найти. Сложность в том, что ходишь осторожно, даже ветка где-то хрустнет, и то пытаешься скрыться. И тут Ридевский застонал. Мы

Тамара Кручэнка

его подтащили. Аня Морозова разрезала штанину, но крови не было. Видимо, он сильно ушиб колено. И тогда Мельников сказал: «Принимаю командование на себя и принимаю решение: «Кто-то из группы должен остаться с Ридевским, помочь ему дойти до почтового ящика. Там встретимся. Кто останется?» Молчание. Но потом я сказал, что останусь: «Вместе мы начинали, вместе и закончить придется». Иван Иванович скомандовал собрать для нас все, чем ребята могут поделиться. Выделили махорку, сухари, аптечку. И группа ушла — выполнение задания никто не отменял. Они двинулись в сторону Польши. Здесь держаться было невозможно: лес опал, кругом пеленгаторы работали. С тех пор я никого больше не видел. В тот квадрат ребята не приходили.

У нас существовал неписанный закон: если ты ранен, но пока можешь стрелять, отправляй пули во врага, а если не можешь — уходи из жизни с огнем. Так поступили Шпаков, Зина Бардышева, Аня Морозова...

Я преклоняюсь перед Мельниковым. Как-то была блокада, нас прижали и выгнали на просеку. А тут пулеметный расчет немцев. Мельников с одной стороны зашел, я — со второй. Снимаю пулеметчика, а второй номер целится в меня. Мельников снимает его. Потом Иван Иванович разрядил вражеский пистолет и дает мне пулю со словами: «На, это твоя...» Теперь она в музее Отечественной войны.

— Вы неоднократно встречались с Иваном Целиковым в послевоенное время. Интересно, что он рассказывал о том, как уцелел?

— Обессилев, Целиков вместе с несколькими разведчиками группы майора Максимова пошли заготовить продукты. И тут услышали канонаду. Решили возвратиться и переждать в стогу сена, когда накатится фронт. Пролежали долго, и так обессилели, что фактически превратились в полутрупов. А тут солдаты пришли к стогу сена, чтобы взять его для лошадей. Так и нашли Целикова и других полумертвыми...

— Вас с Ридевским спасли немецкие антифашисты, в частности, Август Шиллят. Вы встречались с этой семьей после войны?

— В шестидесятые годы, когда пал «железный занавес», мы с Ридевским решили разыскать семью Шиллятов, которым обязаны жизнью. При содействии Наполеона Ридевского я устроился на работу в Белорусское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами на должность референта по ГДР. Это открыло возможности общаться с активистами общества германо-советской дружбы и немецкой общественностью. У меня установились хорошие отношения с Эрхардом Рёнером. А он, в свою очередь, свел меня с журналистом по имени Фриц Ян. Будучи как-то в Минске в старом еще музее Великой Отечественной войны они обратили внимание на одну из витрин, где были собраны материалы о юных участниках войны. Там было мое фото, а также патрон с пулей, который мне вручил Иван Мельников со словами: «Бери, это твоя». (Эпизод этот вы знаете). Под впечатлением

этого Фриц написал статью. Она была опубликована журналом «Freie Welt», выходившим в ГДР. Благодаря Эрхарду, в этом издании печатались и отдельные главы из книги Наполеона Ридевского «Параюты на деревьях». А Отто Шиллят был читателем журнала и узнал нас в этих публикациях. Он пришел в редакцию и сказал: «Я знаю этих людей! Это Пауль и Кляйне («Малый») — так нас называли Шилляты.

Как-то будучи в Берлине, я услышал от Эрхарда: «У меня для тебя есть сюрприз. Сегодня пойдем на кружку пива в старый район города — Панков, нетронутый войной». Именно там, в пивной «Парк идиль» 12 декабря 1973 года и произошла вроде случайная встреча с Отто Шиллятом, которая была устроена редакцией журнала «Freie Welt». «Ты случайно не знаешь того, что справа сидит?» — спросил тогда у меня Эрхард. Поворачиваю голову и прошу: «А можно, чтобы он встал?» И я узнаю Отто. Оказывается, его столь же загадочно пригласили, как и меня. Причем, все снималось скрытой камерой.

Потом Шиллят дважды приезжал ко мне в Минск. Я спросил: «Какое твое самое большое желание?» Отто признался, что больше всего ему хочется съездить и увидеть то место, где был его отчий дом. Но в то время это была закрытая для иностранцев зона. Я переговорил с Наполеоном, дескать, Отто будет немым. Купим билеты и поедем. Если что, говорить буду я. Отто, гиганта двухметрового роста, я усадил на вторую полку в вагоне. Приехали в Калининград тихо, спокойно. Сели в автобус, двинулись в том направлении. Бах, он ломается. Берем такси. Добрались и увидели, что там, где стоял их дом — ничего нет. Только небольшой ручеек. Отто набрал воды, молча постояли и отправились обратно.

В Минске ему организовали несколько встреч со школьниками, выступал он на радио, был и прием в обществе дружбы.

На 101 процент благодаря Шиллятам мы с Ридевским остались живы.

— Оглядываясь назад, как бы вы охарактеризовали судьбу разведчика?

— Она и благородная, и в то же время неблагодарная. Рискуешь жизнью среди врагов, а когда возвращаешься, на тебя самого смотрят как на врага. При всех моих положительных качествах, мне не присваивали званий, обрубали, как говорится, концы. Задавали вопросы типа: «Почему вы остались на оккупированной территории?» А я отвечал: «А почему вы меня в 12-летнем возрасте оставили на оккупированной территории?» Было неприятно.

Окончил с отличием офицерскую школу, с красным дипломом — юридический факультет. Был чемпионом по борьбе, призером по самбо. Работая следователем в Минской области, в пять утра вставал, делал зарядку. А потом — на попутку, и поехал в районы. А вечером возвращаешься в столицу тоже на попутке, идешь в университет...

— Что наиболее волнует вас в современном обществе?

Тамара Крученка

— Общество портят большие деньги. Когда не было их, мы по-другому смотрели на мир. Сейчас много зависти. Бешеные деньги — одно из величайших несчастий нашего века, они рожают трагедии.

— Не кажется ли вам, что к теме Великой Отечественной войны притупляется интерес?

— Эта тема никогда не уйдет. Пусть на какое-то время интерес поугаснет, а потом она снова взойдет. Как, к примеру, екатерининские времена, война 1812-го, революция 1917-го. Великая Отечественная война — эпохальное событие.

Что осталось за рамками нашей беседы? Гостеприимство хозяина, его фонтанирующая энергетика. В 82 года он в великолепной форме, ежедневно занимается зарядкой. С необычайной легкостью Геннадий Владимирович бегал из комнаты в комнату, приносил папки с собранными документами и материалами, книги, изданные у нас и в России. Показал и уникальную карту района разведывательных действий «Джека», датированную 1942-м годом, которую держал в руках наш земляк Иван Мельников. Когда пришло время расставаться, Геннадий Владимирович предложил тост в память об Иванах. Как тут было не подчиниться опытному разведчику? Угощал салом собственной засолки и квашеной капустой отменной, из чего сделала заключение, что хозяйственный человек Юшкевич.

Геннадий Владимирович подарил мне одну из своих книг, чтобы прочла ее внуку. Чтобы память о героизме и мужестве жила и в будущих поколениях.

Под Москвой, Смоленском и в поселке Энском...

В областном музее военной славы шла презентация книги "Михаил Калашников" директора Института социальной памяти, заместителя председателя совета национально-культурной автономии "Белорусы Москвы" Александра Ужанова. Когда российский гость стал раздавать автографы, к нему подошел убеленный сединами фронтовик, с боевыми орденами Отечественной войны первой степени и Красной Звезды, медалями "За отвагу", "За победу над Японией", по-отечески обнял его и сказал: "Горжусь Вами как земляк! Молодец!"

О Владимире Карповиче Пацеве тоже есть что рассказать читателям. 17-летний паренек из деревни Хомичи Рогачевского района, которого родители мечтали выучить на врача, в начале войны написал заявление в военкомат: "Прошу зачислить в военно-медицинское училище". А попал в Киевское артиллерийское.

— Сержантское звание я получил в Красноярске, куда эвакуировали наше училище при приближении фашистов к Киеву, — делится Владимир Карпович. — Попал в 35-ю отдельную стрелковую бригаду. Все думал: каков он, враг? И вскоре с ним удалось встретиться на полях Подмоскovie. Сытые, холеные, в добротном обмундировании, фрицы вели себя отъявленно нагло. Встречал я их уже как командир 76-миллиметрового орудия артдивизиона бригады. Не раз жизнь моя висела на волоске. И не единожды боевой дух своего расчета я поддерживал, повторяя ребятам: "Успехи даются смелым, награды — за громкие боевые дела. Но трижды герой тот, кто побеждает, обороняясь и наступая".

Гитлеровцы торопились с операцией "Тайфун" — близилась зима. Но вскоре наши войска, оборонявшие столицу, перешли в контрнаступление. Владимиру довелось освобождать Крюково, Солнечногорск. У города Клин Пацев вместе с наводчиком Нестеренко удачно подавил пулеметную точку противника, но был сражен разрывной пулей, ударившей в грудь.

После госпиталя Пацев переквалифицировался в связиста, служил в 450-м отдельном минометном полку, был командиром отделения радио. Бои уже шли северо-западнее Юхново Калужской области.

Второе ранение в сентябре 1943-го вновь сделало поворот в судьбе фронтовика. "Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины?.." — эти симоновские строки и о нем, воине-белорусе, в составе 215-й стрелковой дивизии 5-й армии выбивавшем врага под Смоленском и Великими Луками. Здесь третье ранение вырвало Владимира из строя бойцов...

...Май 1944-го. В полку реактивных систем — знаменитых "катюш" гвардии сержант Пацев нес службу в должности командира отделения радио. Шли бои на территории родной Беларуси. И здесь Владимир не избежал еще одного ранения.

Тамара Кругэнка

В Полоцкой операции Пацев был удостоен благодарности Верховного главнокомандующего. Свою мощную оборону противник тогда не случайно назвал "Тигр", гвардейцам-минометчикам не просто было сломать его хребет. Полк тогда в числе других получил наименование "Полоцкий" и был отмечен орденом Красной Звезды.

Дороги войны вели гвардии сержанта Владимира Пацева через Паневежис, Шяуляй, Елгаву на запад. Но и с падением Кенигсберга и взятием Берлина отдыхать парню не пришлось, их минометный полк бросили в войну с Японией.

— Под проливным дождем 9 августа 1945-го в составе 5-й армии Дальневосточного фронта перешли границу. Бездорожье, неизвестная горная тайга... Японцы ожесточенно сопротивлялись, им помогали труднопроходимые сопки. Наши гвардейские минометы помогали танкистам и пехоте выбивать из укрытий японских смертников. Город мы взяли 16 августа, многие однополчане получили тогда благодарности.

После войны Владимир Карпович окончил два вуза. Возглавлял обком профсоюза работников строительства и промстройматериалов, 15 лет был директором СПТУ-67, преподавал в СПТУ-81. Строить отношения с другими людьми, преодолевать трудности и неурядицы ему помогал фронтовой опыт. И теперь, несмотря на свои 85 и недуги, он часто встречается с молодежью, участвует в патриотических мероприятиях и акциях.

Не спится только ветерану...

Одно из окон его квартиры смотрит на оживленный проспект имени Ленина в Гомеле. Иван Игнатьевич Короткевич любит подолгу стоять и смотреть на людей, спешащих по своим делам, на разноликие машины, заполонившие центральную магистраль города, яркие предпраздничные витрины в первых этажах домов напротив. В такие минуты он чувствует особую стремительность времени, со сказочной скоростью способного переместить его из теперешней обстановки в совершенно иную... Вспоминается осень 1943-го, как форсировали Сож у Ветки, тянули на себе минометные стволы, лафеты, плиты, окапывались между Старым Селом и Хальчем...

— В Золотом Роге — огромный овраг. Мы заняли оборону, "вгрызлись" в землю в саду, — вспоминает Иван Игнатьевич. — А фриц как даст с другой стороны! Немецкий пулемет буквально косил наших ребят. Я получил задачу зайти с тыла. Взвод наш незаметно проник и ударил немцам в "хвост". Выбили! Мне тогда медаль "За отвагу" вручили. А на рассвете мы вошли в Гомель... Одни руины дымящиеся, остовы печей. Сердце рвалось на части. Но пошли дальше в сторону Костюковки, на Буда-Кошелевщину.

Потом командир минометного взвода Короткевич форсировал Днепр в Стрешине, участвовал в боях местного значения между Калинковичами и Светлогорском, выбивал фрицев из Рогачева, шел с боями на Бобруйск, Осиповичи, Барановичи, Гродно. Под этим западным форпостом Иван Игнатьевич получил очередную свою награду — орден Отечественной войны первой степени. Позднее, в тяжелом сражении с "тиграми" и "фердинандами" Короткевич был тяжело ранен. Осколок пробил правое плечо, застрял в легких. Так все эти годы и живет с ним ветеран: врачи наотрез отказались оперировать. Сколько госпиталей сменил в войну, пока пошел на поправку! Победу встретил в рабочем поселке под Воронежем.

— Судьба меня словно провела по кругу: 18 августа 1941-го я покинул Гомель, 26 ноября вступил в освобожденный город, а в сентябре 1945-го вернулся сюда навсегда. Из поколения моих сверстников на войне уцелело всего процентов 10. Так что считаю, что мне повезло выжить, — делится ветеран. — Фактически ни детства, ни юности я не знал, лет с 12 работал... А нынешняя молодежь живет по-своему. У нее масса возможностей учиться. По-доброму можно позавидовать. Нынешние ребята идут своим путем, но и на нас, стариков, оглядываются. Пусть все у них сбудется!

Тамара Круэнка

И ничего взамен

Недавно в редакцию пришло письмо от руководителя клуба «Поиск» Светлогорской СШ №2 Ирины Коломойцевой. Учитель написала, что в 1986 году в школе открыт музей 194-й Речицкой Краснознаменной дивизии — именно она в третьей декаде декабря 1943 года была срочно переброшена в район станции Шатилки (теперь Светлогорск). Противник сосредоточил здесь три пехотные и две танковые дивизии. Фрицы воспользовались тем что правый фланг быстро продвигавшейся 65-й армии П. И. Батова был не прикрыт. Так что 194-я дивизия подоспела в самый раз и не дала возможности врагу прорваться.

Возвращаясь памятью в былое

В письме из школьного музея сообщается: «Наши ребята ведут переписку с ветеранами, организуют встречи с ними, проводят экскурсии. Спустя 70 лет после освобождения края новое поколение с благодарностью вспоминает участников боев за Светлогорский район. Это не просто дань памяти давно минувшим событиям, это живое соприкосновение с ними. В музее нашей школы есть материалы об участнике Великой Отечественной, бывшем воине 194-й Речицкой Краснознаменной дивизии Дмитрие Михайловиче Зюзькове, живущем в Гомеле. Ведем с ним активную переписку».

Повествует Ирина Коломойцева об одном из героических эпизодов боев на станции Шатилки рядового 616 -гострелкового полка Зюзькова: «Когда из хорошо замаскированного вражеского дзота вдруг ударил по наступавшим пехотинцам вражеский пулемет и прижал их к земле, Зюзьков открыл по нему огонь из своего Дегтярева, отвлек внимание гитлеровцев на себя. Воспользовавшись огневой поддержкой товарища, залегшие было стрелки поднялись и двинулись дальше, а Дмитрий швырнул гранату во вражеский дзот. Решив, что с пулеметчиками противника покончено, боец спрыгнул в траншею, но тут ощутил сильный удар в левое плечо. Отругав себя за опрометчивость, Зюзьков выскочил из траншеи наверх и снова бросил гранату. Из дзота очумело выскочили два фашиста, но далеко отбежать им не удалось. И только тут Зюзьков почувствовал острую боль в плече. Казалось, будто к нему приложили кусок раскаленного железа...»

Поистине герои рядом. Выяснилось, что Дмитрий Михайлович Зюзьков живет буквально в нескольких метрах от нашей редакции. Скромный человек, не считал важным напоминать о себе.

Отец попал в плен к немцам в Первую мировую и пробыл в Германии шесть лет. Сын в 1943-м видел, как оккупанты жгли родную Тереховку, и пошел освобождать Белоруссию от врага. Победу встретил в Восточной Пруссии.

Лёсаў зорныя імгненні

За дом родной

— Под ружье я стал в 1943-м под деревней Каравышень Гомельского района, рассказывает Дмитрий Зюзьков. — Выстроили нас более 200 человек тереховских хлопцев. Идет офицер и набирает полковую роту автоматчиков, человек пятьдесят. Потом другой взял нас, семь человек, сказав: «Будете пэтээровцами», и так следующих ребят разобрали.

У Скитка форсировали Сож. В домашней одежде, кто в сапогах, кто в лаптях. Стояла задача взять деревню Жеребное (теперь Чкалово). Немецкие самолеты ложились на крыло и сбрасывали низко, буквально над землей, кассетные бомбы. Засыпало все вокруг. Много тереховских ребят здесь погибло. Жетоны никто не выдавал, карандаш и бумагу негде было брать, чтобы обозначить себя. Вот так и остались лежать неизвестными...

После взятия Жеребного мы пришли в уже освобожденный Лоев, и вверх по Днепру — освобождали Страдубку, Марс...

В Холмече погиб наш командир полка Анисим Аверин. Опытный, еще с царских времен офицер, грамотный, порядочный.

Сложно было окопаться в этом селе, земля промерзшая. Немцы же практически все дома сожгли, в том числе и тот, в котором хранилась людская картошка. Пар стоит на пепелище, женщины голоса... Эта встреча с деревней осталась в памяти на всю жизнь.

После Холмечи мы намеревались взять Заспу, но фриц очень сильно там укрепился, поэтому повернули на 90 градусов и пошли на деревню Ровное, разбили там вражеский гарнизон.

Следующее направление — станция Демехи. Разведка сообщила, что сильно укреплен фриц, есть даже амбразуры. К переезду первыми двинулись танки, пехота — следом. Оказалось, что немцев было там не более 50, но они имели прямую связь с Речицей. Наш полковой переводчик старшина Новоселов, как только мы взяли станцию, заставил гитлеровца под дулом автомата озвучить ложное донесение своим, якобы «пытались прорваться партизаны, но мы их отбили, и все успокоилось». Мы двинули оттуда на Озерщину, а утром вошли в Речицу. В центре города немцы выскакивали в одном белье. Активное сопротивление с боем оказали неподалеку от мебельного комбината.

Дивизии была поставлена задача занять железнодорожный мост через Днепр. Десант возглавлял комбат Алексей Табунов. Но пока ребята подошли к берегу, немцы взорвали мост. И практически одновременно и шоссейный. Сжечь город оккупанты не успели. Впервые за многие дни войны мы впервые попали тогда в нормальную баню и ночевали в домах.

Речицкий партизан Макар Турчинский провел нас в Горваль, там был партизанский гарнизон Кожара. Без единого выстрела партизаны переправили нас через Березину. Немцы обнаружили только тогда, когда мы стали сосредотачиваться на берегу. Летала вражеская «рама», и уже к вечеру фрицы накрыли артиллерийским огнем. Петру Староти-

Тамара Кругэнка

торову, земляку, прямо у меня на глазах огромным осколком перерубило ногу. Мы отнесли его на плащ-палатке в санроту, положили у самой печки. И снова вперед, таков приказ...

Когда в 1947-м я демобилизовался и вернулся домой, отец Петра пришел ко мне с узнать о судьбе сына. Оказывается, родители не получили никакого известия, а когда стали писать по инстанциям, получили ответ: «Пропал без вести». И это только одна судьба. А сколько таковых было!

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...

Мне повезло уцелеть, в военной судьбе десятка полтора таких эпизодов наберется. Помнится, когда подошли к деревне Городок тогдашнего Стрешинского района, немцы нас встретили огнем. Я был вторым номером ПТР, ружье весит килограммов 20, плюс 5-килограммовая сумка с патронами. У напарника Николая Данильченко тоже винтовка и патроны. Задача у нас была засечь вражеский пулемет. Раз выстрелили — молчит, второй — молчит. Говорю напарнику: давай патрон. Чтобы зарядить противотанковое ружье, следовало приподняться, посмотреть и затолкать патрон. И в эту минуту пулеметчик немецкий как полоснет! Коля перекатился на спину, кровь клокочет... Я отыскал его могилу после войны. Перезахоронен он в Верхней Олбе.

В Жлобинском районе каждую деревню брали огромными жертвами. В марте 1944-го в боях под Коротковичами и я был ранен в плечо. Отвезли меня в госпиталь, обычный крестьянский дом. Там были сделаны нары для раненых, правда, не то чтобы лечь — сесть было проблематично. Попросил я документы и сам пошел на переправу через Днепр. Регулировщица остановила полуторку, и меня повезли в сторону Гомеля. В парке стояли краснозвездные танки, горели костры. Здесь меня подкормили и переправили через реку в Новобелицу, в госпиталь, а спустя два дня — в Костюковку, затем — в Новозыбков...

День Победы я встретил на Куршской косе в Балтийском море, был уже разведчиком. Коса длинная и узкая, в самых широких местах километра два. Никогда не забыть, как 8 мая, ночью, вдруг прекратилась стрельба и запели соловьи! Со мной рядом был украинец с незабываемой фамилией Грама: «Слухай, видкуль ции птахи появились?» — спросил он. А утром с моря на берег волной вынесло столько оглушенной рыбы, и чайкам было такое раздолье!

Наши включили громкоговорители — мы узнали, что война закончилась. А тут комдив всех разведчиков зовет. И говорит, что командовать нами уже не имеет права, войне конец, и все же надо пойти в разведку и узнать, почему сдалась только передовая линия немцев, почему с косы не идут остальные? На вопрос, кто пойдет, все сделали шаг вперед. А я был самый рослый, крепкий. Размышляли: как к ним сунуться, как вооружиться? В итоге надели на себя немецкие плащ-палатки, трехклинки такие, под ними автоматов не видно. Пилотки сняли. И

Лёсай зорныя імгненні

на лошадях поскакали. Фрицы, конечно, растерялись. Принял нас их генерал, часм, кофе угощал. В землянке при нас собрал своих офицеров и спросил через переводчика: «Что это у вас ни одного офицера не нашлось?» Наш старшина отметил: «Эти вопросы будете задавать комдиву». Затем нас перебросили на другой участок, и мы во всю ширину славянской души радовались мирной жизни. На этой территории Восточной Пруссии немцев не было, дома брошенные. Кругом клубника. Даже довелось в хлебоборбских делах поучаствовать, зерновые убрать, обмолотить и хлеб собственный испечь.

И вот новый приказ. Заместитель командира дивизии по политчасти объявил, что надо направляться на Японию. Погрузились в эшелоны. Ехали через Минск, Смоленск, день стояли под Москвой. А когда добрались до Урала, радостная весть: война закончилась! Нас перебросили в Удмуртию. Занимались уборкой урожая, и как вся молодежь бегали на танцы: там была фабрика меховая, много девушек...

После демобилизации мои документы были направлены в Минск, на беседу меня пригласил Зимянин. Два года работал в горкоме комсомола в Молодечно, а секретарем обкома тогда был Петр Машеров. Решил пойти учиться. Юридический факультет Белгосуниверситета окончил в 1956-м.

Дмитрий Михайлович отработал судьей в Хойникском районе четыре года. Затем его перевели в Гомельский областной суд, избрали секретарем партийной организации. А тут подоспело постановление ЦК отобрать сильные кадры в прокуратуру. Поработав немного в родной Тереховке, Зюзьков был направлен в Речицу, которую когда-то освобождал. 13 лет отдано ей, 10 лет связано с Мозырской прокуратурой.

В квартире ветерана в обычной хрущевке — по-настоящему спартанская обстановка, нет никакого излишества. Все самое необходимое для жизни и отдыха. Подумалось: это поколение останется для нас примером служения Родине, верности профессии.

И была у паренька мечта: высота!

Гомельчанин Петр Иванович Титов вниманием журналистов не избалован. Это почувствовалось сразу, с первых минут общения с ветераном. В преддверии собственного юбилея — 90-летия — у бывшего авиационного техника было желание неторопливой исповеди о пережитом.

Из окон квартиры Титовых на улице Пушкина хорошо просматривается площадка военной техники областного музея военной славы. Слушая своего собеседника, я думала о том, что судьба Петра Ивановича тоже достойная страница исторической летописи поколения.

...Паренек из ветковской деревни Глуховка Петя Титов окончил школу аккурат за год до войны. Тогда большинство ребят грезил о поступлении в военные училища. Титов мечтал о летном. Будучи уже секретарем комсомольской организации колхоза имени Маркса недавний выпускник подал аттестат, все характеристики в военкомат. Но призвали его поначалу в пехотную учебку на Украине. Там принял присягу, получил звание младшего сержанта.

— Как-то мы возвращались с тактического учения. И уже почти у казармы встречает политрук полка, требует возвращения роты на плац, — делится ветеран. — Я тогда подумал, что мы плохо прошагали. А он озвучивает директиву ЦК комсомола о подготовке 100 тысяч летчиков. Помнится, на вопрос политрука «кто желает», все(!) шагнули вперед. Такой был у нас порыв летать.

Собрались в ленкомнате, написали рапорты, прошли медкомиссию. Где-то в конце апреля всю дивизию подняли по тревоге. Выдали нам личные медальоны. Открыто говорили о вероятности войны, нацеливали на бдительность во всем.

И двинулись ускоренным маршем к польской границе. В районе Белостока продолжили обучение. В свободное время копали укрытия. «Не зароемся, как следует, сегодня, завтра будем рыть землю зубами» — твердил молодым командир. Петю и нескольких бойцов прикрепили к пограничникам.

— Выходя в ночные дозоры, мы отчетливо видели на другой стороне реки немецких вояк с автоматами наперевес, с засученными по локоть руками, — делится ветеран. — Но вскоре некоторым, в том числе и мне, поступил приказ отправиться в летное училище в Киев.

Здесь Титов и встретил 22 июня 1941-го, увидел вражеские самолеты-разведчики и пережил первые бомбежки украинской столицы. Судьба милвала, чтобы впоследствии продолжить «учебку» в Ворошиловграде. День и ночь были тренировочные полеты. Петр был самым молодым на потоке ...

— В одной из групп у меня был хороший друг. И долгие годы уже после войны очень волновала его судьба, — вспоминает Петр Иванович,

Лёсаў зорныя імгненні

и его глаза влажнеют. — Поговаривали, что все из той группы погибли. Мне не хотелось в это верить. И вот как-то был в командировке на Украине. В выходные решил погулять по городу, зашел в парк. Смотрю — аллея Славы. Стал изучать фотографии, и замер. На одной из них друга своего узнал, и надпись прочел: «геройски погиб...»

...А после Ворошиловграда их перекинули в Абакан. Унты, меховые куртки, все чин по чину. Буквально на третий день полетов объявили: училище расформируется, и на его базе создаются три учебно-тренировочных полка. Будут готовить летный состав по программе легких ночных бомбардировщиков. Но Петра в списках не было. На вопрос, почему, последовал ответ: «так надо...» Их, около полусотни парней, направили в Ангарск — в техническое инженерное училище. После ЛаГГ-3, Як-3 и других машин отечественного производства стали появляться новые самолеты, в том числе американский истребитель Кертис Р-40 («киттихаук»), требовались соответствующего уровня эксплуатационники. Отучившись, кандидат в члены партии Титов в составе небольшой группы попадает в Бологое, где формируется одна из дивизий ПВО Москвы.

— То боевое дежурство никогда не забуду, — рассказывает ветеран. — Я доложил летчику, что машина готова к вылету. Он запустил мотор, опробовал работу. Вижу, что топлива прилично израсходовал. А тут уже бегут с командой «на взлет!». Я буквально проревел: «Бензовоз!». Убежден был, что требуется дозаправка... Буквально в ту секунду, когда баки заполнили, поднялась в воздух красная ракета — сигнал на взлет. Только-только отъехал в сторону бензовоз....

Можете представить мое состояние, когда спустя положенное время, самолет с летчиком (как теперь помню Василием) не возвращается. И на связь не выходит. Уже пошли пересуды, «особисты» засуетились. Потребовали мою рабочую тетрадь. Вижу, как помощник собирает инструменты... И тут я услышал характерный звук уже в черте аэродрома. И как заору: «Моя «восьмерка»! Летчик вел машину, не соблюдая правил захода, прямо на посадку.

Выходит тот Вася, к нему направляются комдив и инженер дивизии. А он идет не к старшему по званию, а ко мне. Бросается в объятия. И рассказывает. Когда он сбил немецкий самолет, наша машина была еще на боевых оборотах. Но Вася потерял ориентиры. «Я вдруг словно голос твой услышал, команду задросселировать самолет, — делился летчик. — Подобрал самый экономный режим расходования топлива, взял курс на север и вышел на реку. И тут уже по карте определился. На подходе к аэродрому стрелка топлива была уже на нуле...»

Естественно, стали проверять самолет. Инженер дивизии приказал слить оставшийся бензин. Потом — дозаправить и запустить машину. Убедились, что каждый рычажок идеально отрегулирован. Тогда по-

Тамара Кругэнка

строили весь личный состав полка и вручили летчику орден, а мне медаль «За боевые заслуги».

Лучшему авиатехнику Титову посчастливилось после освобождения Риги отдохнуть в декабре 1944-го в одной из местных здравниц. Такого поощрения, как известно, удостоивались немногие. Здесь вместе с другими фронтовиками встречал Петр победный 1945-й.

Его авиаторская судьба продолжалась в литовском Каунасе. А поверженную Германию увидел уже после войны — служил здесь в течение двух лет. В Закавказском военном округе осваивал реактивные самолеты новых модификаций. А в 1960-м попал в Белорусский военный округ. После трех лет службы на Гродненщине и Брестчине, после памятного хрущевского сокращения — в ракетные войска на Украину. В Виннице ушел в отставку, пересехал с семьей поближе к родной Ветковщине — в Гомель. В течение 15 лет был начальником отдела кадров «Белтрансгаза».

— А в том, что дошел я до своего 90-летия, немалая заслуга моей супруги Надежды Адамовны, — делится ветеран. — Мы с ней из одной деревни родом и уже 64 года вместе. Я на нее глаз положил, еще в десятом классе будучи. Можно сказать, растил себе невесту. Поначалу помогал задачки решать по математике. Потом, когда ее отец на финской воевал, дрова колоть приходил к ним во двор... Так что мама Нади, когда я приехал после окончания войны, сказала: «Вот и зять мой вернулся...»

ЗМЕСТ

Жывая памяць <i>Ад аўтара</i>	3
А мы за жизнь вёлі смертэльны бой <i>Герой Савецкага Саюза Рыгор Дзенісенка</i>	4
А мы с тобой, брат, из пехоты... <i>Поўны кавалер ордэна Славы Віктар Вятошкін</i>	8
Что значит служить Отечеству <i>Міхаіл Рычкоў</i>	12
А нам нужна была одна Победа, одна на всех... <i>Фёдар Аўдзеенка</i>	16
Малиновый рассвет над речушкой Друтью... <i>Алег Пліндаў</i>	21
Судьба, изрешеченная войною <i>Мікалай Няклеса</i>	27
На всю оставшуюся жизнь <i>Мікалай Жыленка</i>	30
Часто, бывало, шёл без привала <i>Васіль Мікалаенка</i>	34
Маладосць мая незабыўная <i>Паліна Калашнікава</i>	38
Дом на днепровской круче <i>Пётр Сусла</i>	42
А мы такие молодые... <i>Юлія Холапава</i>	46
Спасибо тебе, сестричка! <i>Наталля Карась</i>	50
Высота Степана Лысенко <i>Сцяпан Лысенка</i>	54
Варашылаўскі стралок <i>Міхаіл Каржоў</i>	57
Исповедь в девятый день мая <i>Павел Сцепчанка</i>	62
Иваны <i>Разведгруппа "Джек" (Іван Мельнікаў, Іван Цэлікаў, Генадзь Юшкевіч)</i>	65
Под Москвой, Смоленском и в поселке Энском... <i>Уладзімір Пацаў</i> ...	79

Не спится только ветерану... <i>Іван Караткевіч</i>	81
И ничего взамен <i>Дзмітрый Зюзькоў</i>	82
И была у паренька мечта: высота! <i>Пётр Цітоў</i>	86

